О ЖИЗНИ И СОЧИНЕНІЯХЪ

ВАСИЛІЯ АНДРЕЕВИЧА

ЖУКОВСКАГО.

В. А. Жуковскій.

О ЖИЗНИ И СОЧИНЕНІЯХЪ

ВАСИЛІЯ АНДРЕЕВИЧА

ЖУКОВСКАГО.

П. А. ПЛЕТНЕВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
1853.

ПЕЧАТАТЪ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 26 Января 1853 года.

Цензоръ *А. Фрейгангъ.*

Изъ III-го Тома Живописнаго Сборника.

I.

Ни въ одной литературѣ не было поэта, съ которымъ можно бы сравнить Жуковскаго. Большую часть своихъ стихотвореній онъ перевелъ съ иностранныхъ языковъ. Но эти переводы вполнѣ равняются оригинальнымъ сочиненіямъ, какъ по свободному ихъ изложенію на Русскомъ языкѣ, такъ и по силѣ дѣйствія ихъ на читателя. Самые извѣстные и болѣе другихъ уважаемые переводчики достигали только до того, что со всею вѣрностію передавали на своемъ языкѣ значеніе подлинника; Жуковскій сообщилъ переводамъ своимъ жизнь и вдохновеніе оригиналовъ. Отъ того каждый переводъ его получалъ на нашемъ языкѣ цѣну и силу самобытнаго сочиненія. Этотъ необыкновенный талантъ доставилъ ему средство къ великому преобразованію литературы нашей.

До него она была однообразна и почти безцвѣтна. Жуковскій расширилъ область ея, далъ лучшіе образцы различныхъ тоновъ поэзіи, усвоилъ намъ первокласныя произведенія древнихъ и новыхъ стихотворцевъ и поровнялъ насъ въ Поэзіи съ образованнѣйшими современными народами.

Отличительная черта таланта Жуковскаго состояла въ удивительномъ сочувствіи ко всему прекрасному въ изящныхъ искуствахъ. Этою способностію онъ превышалъ всѣхъ извѣстнѣйшихъ поэтовъ. Но она одна не возвела бы его на ту высоту, на которой онъ стоитъ въ Русской литературѣ. Его надобно назвать творцомъ новаго Русскаго языка, котораго особенности состоятъ у него въ самыхъ вѣрныхъ выраженіяхъ для каждой черты описываемаго имъ предмета, въ необыкновенной благозвучности рѣчи, въ свободномъ, но всегда правильномъ ея теченіи, въ сочетаніи словъ и ихъ украшеніи, столь неожиданномъ и увлекательномъ, что каждая мысль является новымъ созда-

ніемъ, наконецъ въ искуснѣйшемъ употребленіи то краткости, то обилія періодовъ, смотря по свойству излагаемыхъ идей. Въ нашемъ языкѣ болѣе, нежели въ какомъ-нибудь другомъ, разныхъ словъ, изображающихъ одинъ и тотъ же предметъ. Одни изъ нихъ составляютъ принадлежность языка Церковно-Славянскаго, другія собственно называемаго Русскаго, третьи образовались въ какомъ-нибудь отдѣльномъ періодѣ исторіи, четвертыя въ особомъ сословіи, и такъ далѣе. До Жуковскаго писатели предпочитали слова избранныя, т. е. употребленіемъ утвердившіяся въ общемъ книжномъ языкѣ, что сообщило литературѣ одноцвѣтность и принужденность. Живо сочувствуя безконечно-разнообразнымъ красотамъ Природы и красотѣ образцовъ всемірной Поэзіи, Жуковскій воспользовался сокровищами нашего языка и внесъ въ свои стихотворенія это разнообразіе выраженій, которое необходимо для красокъ и живости передаваемыхъ имъ безконечно-различныхъ образовъ.

Есть другая черта въ его талантѣ, свидѣтельствующая, что онъ, какъ поэтъ, достигнулъ бы необыкновенной высоты и тогда, когда бы ограничился сочиненіемъ однихъ собственныхъ стихотвореній, не увлекаясь совершенствами другихъ поэтовъ. Въ талантѣ его надъ всѣми качествами преобладало самобытное стремленіе къ осуществленію идеальной красоты, граціи, мысли возвышенной. Оно безотлучно сопровождаетъ его, и видимо въ каждой чертѣ его труда. Самые переводы его потому и дѣйствуютъ на читателя какъ оригинальныя сочиненія, что творящая сила переводчика глубоко проникаетъ въ его чувства, въ его пониманіе подлинника и въ выраженія его. Она, подобно солнечному лучу, ничего не отнимаетъ у предметовъ, на которые дѣйствуетъ, ничего имъ не прибавляетъ, но въ то же время наводитъ на нихъ тотъ восхитительный свѣтъ, отъ котораго всѣ они становятся пріятнѣе и блистаютъ равно озаренные. Въ этой силѣ самобытности заключается изъясненіе того

вліянія, которымъ Жуковскій произвелъ эпоху въ нашей словесности.

II.

Къ довершенію столь прекрасныхъ способностей, Жуковскій воспиталъ въ душѣ своей религіозное чувство, чистѣйшую нравственность и высокое понятіе о достоинствѣ человѣка. Ими онъ былъ руководимъ въ теченіе всей жизни, и онѣ составляютъ незыблемое основаніе его поэзіи. Какъ ни разнообразны стихотворенія его по содержанію своему, по формамъ, краскамъ и тону—всѣ они сохраняютъ какой-то семейный отпечатокъ въ общемъ своемъ направленіи: вездѣ присутствіе чистоты, любви къ Природѣ, къ нравственному порядку; вездѣ успокоеніе духа, вѣрованіе въ лучшія качества человѣческаго сердца; вездѣ ожиданіе тѣхъ утѣшительныхъ обѣтованій, которыми жизнь и смерть примирены и равно освящены для души Христіанина. Жуковскій, казалось, избралъ девизомъ своей поэзіи только три сло-

ва: Вѣра, Надежда и Любовь. Онъ прошелъ всѣ возрасты жизни, видѣлъ различныя измѣненія судьбы, вслушался во всѣ ученія— и остался вѣренъ тому, что выражаютъ эти всеобъемлющія слова. Они внушили ему то увлекательное краснорѣчіе, то могущественное убѣжденіе, которому такъ отрадно покоряться, и съ которымъ чувствуешь въ себѣ и силу и отраду. Человѣкъ, глубоко принявшій въ сердце поэзію его, не только сохраняетъ благородный энтузіазмъ къ славѣ чистой, къ дѣятельности безкорыстной, къ мыслямъ возвышеннымъ и къ чести непреклонной, но и самое понятіе объ Искуствахъ, и въ особенности о Поэзіи, у него неразлучно съ представленіемъ совершенства нравственно-идеальнаго, а въ идеяхъ, образахъ, положеніяхъ и въ самомъ слогѣ онъ всему предпочитаетъ силу истины, поэтическое созданіе, голосъ чувства и вѣрность выраженія. Посреди явленій господствующаго нынѣ вкуса, увлекаемаго яркими, но ложными красками, напыщенностію фразъ и своево-

ліемъ воображенія, еще сильнѣе отзываются въ чистомъ сердцѣ святыня дѣйствительнаго вдохновенія, картины, списанныя съ Природы, и гармоническіе звуки, дружные спутники поэзіи Жуковскаго.

Нельзя было и ожидать, чтобы на этой высотѣ поэзіи, съ идеями, чувствованіями и изображеніями столь утонченными и въ нашей литературѣ совершенно новыми, при слогѣ и языкѣ, безъ предварительныхъ опытовъ вдругъ созданномъ для стихотвореній, Жуковскій сдѣлался равно доступенъ всѣмъ классамъ читателей и вошелъ бы въ разрядъ народныхъ поэтовъ. Онъ самъ это ясно сознавалъ, печатая нѣкогда переводныя свои стихотворенія, подъ заглавіемъ: «Для немногихъ». Во всѣхъ изящныхъ Искуствахъ, а въ Поэзіи и преимущественно, есть совершенства, есть красоты, постигаемыя людьми, только приготовленными къ тому воспитаніемъ, чтеніемъ, обществомъ, или особенною воспріимчивостію души. Никакія объясненія критики не настроятъ ума и

сердца къ постиженію и ощущенію самыхъ вѣрныхъ, самыхъ неподдѣльныхъ, живыхъ и свѣтлыхъ красотъ, являющихся въ тонкихъ и легкихъ очертаніяхъ, въ свободныхъ и граціозныхъ движеніяхъ, въ сочетаніи звуковъ и словъ, сладостно и трепетно прикасающихся къ утонченному слуху, если читатель Природою, или тщательнымъ воспитаніемъ не возведенъ на одну высоту съ поэтомъ. И такъ не удивительно, что Жуковскій, какъ поэтъ и какъ писатель, произведеніями своими вполнѣ дѣйствовалъ только на кругъ людей, такъ сказать, избранныхъ. Для пріятнаго занятія читателей, ищущихъ въ книгѣ развлеченія, отдыха, иногда и средства незамѣтно провести время, онъ не оставилъ ничего. Но успѣхамъ Искуства, обогащенію литературы, внушенію чистыхъ, высокихъ и назидательныхъ идей, развитію и окончательному совершенствованію языка онъ способствовалъ едва ли не болѣе всѣхъ Русскихъ писателей.

III.

Жуковскій цѣлую жизнь посвятилъ трудамъ умственнымъ. Отдавшись имъ съ первой молодости, онъ до послѣдняго дня своего считалъ ихъ главнымъ своимъ призваніемъ. Имъ назначалъ онъ лучшую часть дня, т. е. утро, и потому никогда не вставалъ отъ сна позже пяти часовъ, какъ бы поздно ни ложился, иногда принуждаемый къ тому какими нибудь особенными обстоятельствами. Этотъ недостатокъ сна, необходимаго для здоровья, онъ старался вознаградить передъ обѣдомъ, когда сонъ не тяжелъ и безвреденъ. Рукописи его, какъ у всѣхъ лучшихъ писателей, сохраняютъ слѣды глубокаго вниманія и самой строгой отдѣлки, что видно и въ рукописяхъ Пушкина. Одна посредственность довольствуется первымъ выраженіемъ, первымъ словомъ, попавшимся подъ перо. Что въ теоріи называютъ слѣдами быстраго вдохновенія, то на практикѣ оказывается неумолимостію вкуса и непреклонностію воли геніальнаго ума.

Любовь къ Искуству, какъ и всякая страсть, жертвуетъ всѣми своими силами для достиженія цѣли. Какимъ привыкли мы видѣть Жуковскаго въ его стихахъ, таковъ онъ былъ и въ отношеніи ко всему, окружавшему его въ кабинетѣ. Безвкусія, или безпорядка онъ не могъ видѣть передъ собою. У него все приготовляемо было съ опредѣленною цѣлію, всему назначалось мѣсто, на всемъ выказывалась отдѣлка. Чистыя тетради, перья, карандаши, картоны, книги, въ пріятномъ размѣщеніи ожидали руки его. Огромный высокой столъ, у котораго работалъ онъ стоя, установленъ былъ со всевозможными прихотями для авторскаго занятія. Куда бы онъ ни переселялся, даже на нѣсколько недѣль, первою его заботою было устроеніе такого стола. Самую большую и удобнѣйшую изъ своихъ комнатъ онъ всегда выбиралъ для кабинета, который особенно любилъ украшать бюстами.

Люди, отличавшіеся какими бы то ни было талантами, даже только рѣзкими осо-

бенностями ума, составляли любимое его общество, когда онъ былъ свободенъ. Но утро, какъ драгоцѣнность, онъ охранялъ для своихъ трудовъ. Въ дружескомъ собраніи вечеромъ, когда душа Поэта ничѣмъ не была тревожима, онъ являлся по большой части веселымъ и шутливымъ. Забавные расказы, самъ ли онъ предавался имъ, или слушалъ другихъ, долго и живо могли занимать его. Сколько вѣренъ былъ онъ своему призванію въ уединенные часы занятій, столько же казался непохожимъ на самаго себя въ дружескомъ развлеченіи. Но такъ какъ размышленіе и опыты жизни, рано, или поздно, оказываютъ свое дѣйствіе, то и въ характерѣ Поэта постепенно являлось возобладаніе той мудрости, которая положила такой чистый вѣнецъ на послѣдніе его годы. Пушкинъ говаривалъ: «одинъ глупецъ ни въ чемъ не перемѣняется». Спокойное, даже строгое воззрѣніе на жизнь въ эпоху зрѣлости ума не есть утрата душевныхъ

силъ, изумлявшихъ насъ въ юношѣ, а естественное возвышеніе его духа.

IV.

Жизнь Жуковскаго не представляетъ заманчиваго разнообразія, которое особенно нравится въ расказахъ объ историческихъ лицахъ. Она сосредоточена была въ тишинѣ кабинета на трудахъ мысли и вдохновенія. Наибольшую часть ея Поэтъ провелъ безсемейно. Только дѣтство и старость его озарены были тѣми радостями, которыя животворятъ насъ въ миломъ родномъ кругу. Онъ родился 29 Января 1784 года * въ селѣ Мишенскомъ, въ трехъ верстахъ отъ Бѣлева, уѣзднаго города Тульской губерніи. Многочисленная семья, посреди которой онъ явился на свѣтъ, богата была дѣтьми и до него, но все дѣвочками. По этому случаю онъ съ рожденія сдѣлался общимъ любимцемъ. Къ счастію, Природа надѣлила его

* Это показаніе основано на словахъ одного собственноручнаго письма Жуковскаго.

такими прекрасными качествами, что излишняя нѣжность родителей и всего семейнаго круга не только не избаловала его, но быстрѣе развила въ немъ добрыя наклонности и замѣчательныя способности. Черты и выраженіе лица его, ростъ и вся вообще наружность не напрасно заставляли ожидать отъ мальчика чего-то необыкновеннаго. Самыя первыя наклонности его предсказывали въ немъ будущее развитіе вкуса и таланта. Если бы съ первыхъ лѣтъ начали постоянно занимать его рисованіемъ, или музыкою, безъ сомнѣнія на каждомъ поприщѣ онъ достигнулъ бы высокаго совершенства: такъ въ немъ было сильно чувство Изящнаго.

Въ раннемъ еще дѣтствѣ Жуковскій лишился своего отца. Онъ остался на попеченіи матери. Сестры были гораздо старше его, такъ, что дочери ихъ сдѣлались его совоспитанницами. Эти семейныя обстоятельства подѣйствовали во-первыхъ на образованіе души его, которая всегда отлича-

лась нѣжностію, благородствомъ, набожностію и какимъ-то рыцарствомъ, во-вторыхъ на укрѣпленіе самой чистой любви и дружбы между нимъ и его племянницами. Въ родственномъ ихъ союзѣ было что-то болѣе знаменательное, нежели обыкновенно представляется у другихъ, отъ того ли, что развивавшійся талантъ уже отражался на окружающихъ его, или Природа прекрасно образовала каждое изъ нихъ существо.

Первые опыты собственно называемаго ученія не принесли большой пользы Жуковскому, потому что наставники не угадали его призванія. Изъ него хотѣли сдѣлать математика, а онъ все оставлялъ для поэзіи. Страсть къ сочиненіямъ театральнымъ обыкновенно прежде всего раскрывается въ дѣтяхъ съ живымъ воображеніемъ. Она овладѣла и Жуковскимъ, лишь только помѣстили его въ Тульское народное училище. Ревностный къ должности своей учитель, Ѳеофилактъ Гавриловичъ Покровскій, выведенъ былъ изъ терпѣнія невнимательнымъ

ученикомъ, и рѣшился, въ назиданіе товарищамъ Жуковскаго, исключить его изъ училища. Это происходило въ 1796 году. Для спасенія чести любимца своего, родные записали будущаго Поэта въ Рязанскій пѣхотный полкъ, квартировавшій тогда въ Кексгольмѣ. Надобно между тѣмъ замѣтить, что, по старинному обыкновенію, Жуковскій на второмъ году послѣ рожденія своего уже записанъ былъ въ Астраханскій Гусарскій полкъ сержантомъ, а въ 1789-мъ произведенъ въ прапорщики и даже принятъ (разумѣется, на бумагѣ) въ штатъ Генералъ-Поручика Кречетникова младшимъ адъютантомъ; но черезъ три мѣсяца уволенъ по прошенію отъ службы безъ награжденія чиномъ. Выборъ нынѣшняго новаго пути, не совсѣмъ понятный для насъ, изъясняется тѣмъ, что между знакомыми родныхъ Жуковскаго въ Тулѣ жилъ въ постоянномъ отпуску Маіоръ Рязанскаго полка Дмитрій Гавриловичь Посниковъ, который вызвался устроить судьбу мальчика. Его одѣли въ мундиръ

и отправили въ Петербургъ для дальнѣйшаго слѣдованія по назначенію. Здѣсь, въ Зимнемъ Дворцѣ, Поэта ожидало впечатлѣніе, о которомъ любилъ онъ раскасывать, удержавъ его навсегда въ памяти. По случаю большаго выхода, ему достали мѣстечко на хорахъ, откуда въ первый и въ послѣдній разъ на вѣку своемъ удалось ему видѣть Императрицу Екатерину II. Кто знаетъ, не переносился ли онъ своею мыслію къ этой минутѣ, когда говорилъ передъ кончиною, изображая себя въ видѣ Лебедя:

«Но не сѣтуй, старецъ, пращуръ лебединый,
«Ты родился въ славный вѣкъ Екатерины.»

V.

Между тѣмъ *осьмое ноября* измѣнило положеніе всѣхъ малолѣтныхъ дворянъ въ Россіи, считавшихся въ военной службѣ. Жуковскій снова очутился въ Тулѣ, гдѣ пробылъ только до начала 1797 года. Въ январѣ родные его отправились съ нимъ въ Москву, чтобы остаться тамъ до коронаціи

Домъ, въ которомъ жилъ В. А. Жуковскій въ предмѣстіи Дюссельдорфа, съ іюля 1841 до мая 1844 года.

новаго Императора. Благородный Пансіонъ Московскаго Университета избранъ былъ мѣстомъ окончательнаго образованія и воспитанія Жуковскаго. Основанный въ 1770 году Кураторами Мелиссино и Херасковымъ, Пансіонъ сдѣлался разсадникомъ замѣчательныхъ людей въ Россіи. При поступленіи туда Жуковскаго, главнымъ лицемъ въ Пансіонѣ былъ извѣстный педагогъ и Профессоръ А. А. Прокоповичь-Антонскій. Между товарищами своими по воспитанію, Поэтъ встрѣтилъ тѣхъ избранныхъ по уму и сердцу, которые до конца жизни его остались его друзьями. Все здѣсь способствовало къ развитію счастливыхъ дарованій. По истеченіи годичнаго курса наукъ, ученики обязаны были сами достойнѣйшихъ изъ своего круга избрать въ почетные Директоры неклассныхъ своихъ занятій и увеселеній. Въ присутствіи Кураторовъ и ближайшаго начальства своего, они подносили избраннымъ товарищамъ лавровые вѣнки и давали обѣщаніе слѣдовать охотно ихъ ра-

споряженіямъ. Жуковскій, пробывъ менѣе двухъ лѣтъ въ Пансіонѣ, удостоенъ былъ этого отличія. Празднество, совершавшееся 14 Ноября 1798 года по случаю освященія новопостроеннаго при Пансіонѣ каменнаго флигеля, происходило въ присутствіи Куратора М. М. Хераскова. Такимъ образомъ, одинъ Поэтъ благословилъ другаго на служеніе высокой поэзіи и чистой добродѣтели.

Начало литературныхъ успѣховъ Жуковскаго надобно отнести ко времени пребыванія его въ Пансіонѣ. Извѣстно, что съ 1782 года при Московскомъ Университетѣ существовало такъ называвшееся «Собраніе университетскихъ питомцевъ». Въ свободные часы отъ должностныхъ занятій, студенты сходились для чтенія литературныхъ своихъ опытовъ. Въ особомъ журналѣ было печатаемо лучшее. Подобное Общество образовалось и въ Пансіонѣ, подъ названіемъ «Собранія благородныхъ воспитанниковъ университетскаго Пансіона». Такъ какъ начальство Пансіона почитало самыми вѣрны-

ми успѣхами воспитанниковъ только извлекаемые изъ свободной ихъ дѣятельности, наблюдая за нею внимательно, но со стороны, то и дозволено было молодымъ любителямъ словесности, по ихъ собственнымъ соображеніямъ, приготовить самимъ начертаніе Устава Общества. Товарищи избрали Жуковскаго въ редакторы Устава. Послѣдствія этой юношеской забавы оказались самыми замѣчательными для Русской литературы. Она съ перваго года текущаго столѣтія начала принимать въ свои произведенія лучшія краски, лучшее направленіе, тонъ и формы языка. Извѣстнѣйшіе дѣйствователи на поприщѣ литературы нашей образовались въ этой школѣ, такъ, что Москва не безъ основанія приписываетъ себѣ развитіе новыхъ началъ въ умственномъ и эстетическомъ образованіи отечества.

VI.

Въ Пансіонѣ Жуковскій оставался до октября 1800 года. Тогда Кураторомъ былъ И. П.

Тургеневъ, отецъ молодыхъ Тургеневыхъ, учившихся въ Пансіонѣ вмѣстѣ съ нашимъ Поэтомъ, который пріобрѣлъ не только дружбу сыновей, но и родительскую нѣжность ихъ отца. Въ домѣ бывшаго начальника своего Тургенева Жуковскій встрѣтился съ Карамзинымъ и Дмитріевымъ, съ этими писателями, которые сдѣлались для него образцами вкуса. Они уже тогда почувствовали, чѣмъ можетъ со временемъ явиться этотъ молодой человѣкъ, только-что вышедшій изъ дѣтства. Карамзинъ такое находилъ удовольствіе въ его обществѣ, что послѣ кончины первой жены своей пригласилъ Жуковскаго на цѣлое лѣто съ собою въ Свирлово, и такимъ образомъ утвердилась между ними привязанность, основанная на взаимномъ уваженіи. Въ послѣдствіи времени Карамзинъ же положилъ основаніе нѣжной дружбѣ между Жуковскимъ и Княземъ П. А. Вяземскимъ, не измѣнившейся въ продолженіе всей ихъ жизни.

Не смотря на несомнѣнное призваніе свое къ занятіямъ литературнымъ, Жуковскій

не уклонился отъ общаго служебнаго пути и получилъ мѣсто въ Москвѣ же въ Главной Соляной Конторѣ, гдѣ состоялъ до Апрѣля 1802 года, дослужившись тутъ до чина Титулярнаго Совѣтника. Вышедши въ отставку, онъ покинулъ самую Москву. Его влекло къ себѣ Мишенское со всѣми воспоминаніями его дѣтства. Тамъ еще жили родные его, у которыхъ онъ, и въ Пансіонѣ бывши, проводилъ свои вакаціи каждое лѣто. Замѣчательно, что первые стихи, написанные имъ по прибытіи въ деревню, вдругъ поставили его въ разрядъ лучшихъ поэтовъ Русскихъ. Это было «Сельское Кладбище», напечатанное въ «Вѣстникѣ Европы», начавшемся тоже въ 1802 году, подъ редакціею Карамзина, который на другой годъ, говоря о Богдановичѣ и его «Душенькѣ,» такъ точно приводилъ въ разборѣ своемъ одинъ стихъ изъ элегіи Жуковскаго, какъ бы это было всѣмъ извѣстное мѣсто изъ Ломоносова, или Державина. Въ Мишенскомъ и Бѣлевѣ писаны были и другія его

стихотворенія, оконченныя прежде 1808 года. Въ первомъ изъ этихъ мѣстъ оставалось семейство сестры его В. А. Юшковой, бывшей крестною его матерью, которой дочь, А. П. Зонтагъ, сама пріобрѣла извѣстность въ нашей литературѣ прекрасными сочиненіями для образованія дѣтей, во второмъ же мѣстѣ поселилась другая сестра его К. А. Протасова. Одной изъ дочерей ея, бывшей въ послѣдствіи времени въ замужствѣ за извѣстнымъ стихотворцемъ нашимъ А. Ѳ. Воейковымъ, посвящены: первая часть «Двѣнадцати спящихъ дѣвъ» и «Свѣтлана». Тамъ нѣкогда бывалъ у него Батюшковъ. Эти два таланта, яркіе и современные, связаны были самою искреннею дружбою. Лучшій братъ не могъ болѣе принять на себя попеченій, какія оказалъ Жуковскій въ началѣ болѣзни, которая до сихъ поръ не покидаетъ несчастнаго друга его. Въ одномъ изъ граціозныхъ посланій своихъ Батюшковъ, прощаясь, говоритъ Жуковскому:

«Прости, Балладникъ мой,
«Бѣлева мирный житель!
«Да будетъ Фебъ съ тобой,
«Нашъ давній покровитель.
«Ты счастливъ средь полей
«И въ хижинѣ укромной.
«Какъ юный соловей
«Въ прохладѣ рощи темной
«Съ любовью дни ведетъ,
«Гнѣзда не покидая;
«Невидимый поетъ,
«Невидимо плѣняя
«Веселыхъ пастуховъ
«И жителей пустынныхъ:
«Такъ ты, краса пѣвцовъ,
«Среди забавъ невинныхъ,
«Въ отчизнѣ золотой
«Прелестны гимны пой!»

Въ Бѣлевѣ, на берегу Оки, Жуковскій построилъ домъ матери своей, гдѣ она провела тихую свою старость и скончалась въ 1811 году.

Въ первые годы литературной жизни Поэтъ нашъ нерѣдко бывалъ въ необходимости трудиться изъ платы надъ переводами въ прозѣ, какъ человѣкъ недостаточный. Онъ умѣлъ однако же примирять нужду съ потребностію таланта. Этой разборчивости

вкуса мы обязаны ему переводомъ «Донъ Кихота», напечатаннымъ въ первый разъ въ 1805 году, а во второй въ 1815. Онъ воспользовался трудомъ Флоріана, автора, столь уважавшагося въ его время. Какъ ни странно теперь думать, что первоклассный поэтъ руководствуется второстепеннымъ кудреватымъ писателемъ, при всемъ томъ истинное дарованіе вывело Переводчика на прямую дорогу, и въ книгѣ его до сихъ поръ много достоинствъ неотъемлемыхъ. Говоря о первыхъ переводахъ Жуковскаго въ прозѣ, кстати упомянуть здѣсь объ одномъ изъ нихъ, неизвѣстномъ для многихъ, тѣмъ болѣе, что это обстоятельство относится къ 1801 году. Вотъ въ какихъ забавныхъ выраженіяхъ самъ Жуковскій, незадолго до своей кончины, сообщилъ о томъ въ одномъ письмѣ. «Нѣкогда въ Москвѣ обанкрутив-«шійся Зеленниковъ трактовалъ меня пре-«обидно. Для него я перевелъ за 75 рублей «Мальчика у ручья». Эту сумму онъ выпла-«чивалъ мнѣ по 5 р., по 7 р. съ полтиною

«и т. д.» И это сочиненіе (Коцебу) въ то время принадлежало автору, любимому современнымъ обществомъ. Русской переводъ печатался тоже два раза (во второй разъ 1819 г.)

Карамзинъ два года издавалъ «Вѣстникъ Европы». Онъ передалъ его Панкратію Сумарокову, едва годъ выдержавшему труды редакціи, которая перешла тогда къ извѣстному Профессору Каченовскому. Отъ него-то съ 1808 года Жуковскій принялъ «Вѣстникъ Европы» въ свое завѣдываніе. Онъ возвратилъ изданію ту жизнь и занимательность, которыми оно всѣхъ привлекало къ себѣ при его Основателѣ. Перебирая этотъ журналъ, убѣждаешься, что онъ былъ дѣйствительный посредникъ между читателями и своею эпохой. Въ немъ ничто не забыто, ничто не упущено. Какъ драгоцѣнная лѣтопись современности, «Вѣстникъ» указываетъ на всѣ явленія исторіи, литературы и общественной жизни. Конечно, лучшимъ украшеніемъ журнала были собственные сочи-

нія и переводы редактора. Но онъ, какъ талантъ, какъ законный судія въ дѣлѣ, и какъ образцовый писатель, не безплодно употреблялъ свои способы, чтобы произведеніямъ другихъ придать правильность, точность и силу выраженій, безъ которыхъ нѣтъ физіономіи ни въ стихахъ, ни въ прозѣ. Журналъ тогда не былъ складочнымъ мѣстомъ дюжинныхъ романовъ. Онъ обогащалъ умъ читателя указаніями, а не губилъ его времени. Если мы встрѣчаемъ въ журналѣ Жуковскаго такъ называемое «чтеніе легкое», необходимое для извѣстнаго круга людей, оно никого не отводило отъ главной цѣли изданія, очищая вкусъ и нравы. Это были по большой части собственные его переводы небольшихъ Повѣстей, выбранныхъ съ такимъ умомъ, что ихъ чтеніе до сихъ поръ можетъ служить лучшею школою образованія. Жуковскій, взявши на себя редакцію журнала, принужденъ былъ снова переселиться въ Москву. Домъ бывшаго наставника его, А. А. Прокоповича-

Антонскаго, служилъ ему роднымъ пріютомъ. Но для облегченія трудовъ по редакціи, особенно въ лѣтніе мѣсяцы, когда Бѣлевъ и Мишенское такъ пріятно рисовались въ его воображеніи, съ 1809 года онъ принялъ къ себѣ въ сотрудничество опять М. Т. Каченовскаго, что продолжалось и въ 1810 году, т. е. до прекращенія Жуковскимъ журнальной дѣятельности. Какъ ни кратокъ былъ періодъ прямыхъ сношеній его съ публикою, онъ доставилъ Поэту твердое и блестящее положеніе въ общемъ мнѣніи. Карамзинъ и другія лица, умомъ своимъ и образомъ мыслей составлявшія вѣнецъ избраннаго общества, признали въ молодомъ человѣкѣ лучшую надежду Русской литературы.

VII.

Освободившись отъ срочной работы, вообще непріятной для человѣка съ высшими понятіями о литературныхъ занятіяхъ, Жуковскій началъ жить только для поэзіи. Съ

его именемъ соединялось въ тогдашнемъ молодомъ поколѣніи предчувствіе какого-то разсвѣта. Стихи его быстро переходили изъ рукъ въ руки, и являлись часто въ печати тамъ, куда авторъ еще не показывался. Такъ въ 1807 году въ Петербургѣ издано было особою брошюрою стихотвореніе его «Пѣснь Барда надъ гробомъ Славянъ-побѣдителей». Теперь, когда скончалась мать его, онъ поселился въ Муратовѣ (Орловской губ., Болховскаго уѣзда), деревнѣ сестры своей, К. А. Протасовой, переѣхавшей туда изъ Бѣлева съ семействомъ. Сельская жизнь постоянно влекла его къ тихимъ своимъ удовольствіямъ. Отъ полноты души высказался онъ, когда написалъ (1805):

«Мнѣ рокъ судилъ брести невѣдомой стезей,
«Быть другомъ мирныхъ селъ, любить красы Природы,
«Дышать подъ сумракомъ дубравной тишиной,
«И, взоръ склонивъ на пѣнны воды,
«Творца, друзей, любовь и счастье воспѣвать.
«О пѣсни, чистый плодъ невинности сердечной!
«Блаженъ, кому дано цѣвницей оживлять
«Часы сей жизни скоротечной;
«Кто въ тихій утра часъ, когда туманный дымъ

«Ложится по полямъ и холмы облачаетъ,
«И солнце, восходя, по рощамъ голубымъ
«Спокойно блескъ свой разливаетъ,
«Спѣшитъ, восторженный, оставя сельскій кровъ,
«Въ дубравѣ упредить пернатыхъ пробужденье,
«И, лиру соглася съ свирѣлью пастуховъ,
«Поетъ свѣтила возрожденье!
«Такъ, пѣть есть мой удѣлъ....»

Ничего очаровательнѣе представить нельзя, когда вообразишь эту эпоху его. Общественной жизни онъ узналъ столько, чтобы не сдѣлаться мизантропомъ и не сожалѣть о ней. Славы на его долю досталось болѣе, нежели онъ могъ желать по исключительной своей склонности къ простотѣ и тихимъ семейнымъ радостямъ. Онъ окруженъ былъ обществомъ людей, которые любили его искренно и наслаждались его счастіемъ какъ собственнымъ. Равная ихъ образованность и одинаковой вкусъ искали сходныхъ занятій и удовольствій. Тамъ-то изученъ былъ Шиллеръ — и, можетъ быть, еще нигдѣ не оказывалось столько поклоненія его генію. Жуковскому исполнилось двадцать-шесть лѣтъ. И въ обыкновенномъ человѣкѣ эта

пора развиваетъ благороднѣйшія и нѣжнѣйшія сочувствія. Что же должно было, при столь благопріятныхъ обстоятельствахъ, развиться въ душѣ поэта? Онъ полонъ былъ вдохновенія, счастія и высокой, необыкновенной любви. Ощущенія свои, столь же чистыя, какъ и живыя, столь же сильныя, какъ и возвышенныя, онъ изобразилъ тогда преимущественно въ «Посланіи къ Батюшкову» и въ первой части «Двѣнадцати спящихъ дѣвъ». Но еще не вѣрное представленіе образовалось бы о полной картинѣ жизни Жуковскаго въ деревнѣ, если бы не было упомянуто здѣсь, что къ семейству, посреди котораго онъ жилъ, дружба и уваженіе привлекали изъ сосѣдства много другихъ лицъ, которыя умѣли дѣлить благородныя забавы ума. Такъ, напримѣръ, семейство А. А. Плещеева содѣйствовало къ разнообразію ихъ общихъ удовольствій. Музыка, театръ и чтеніе драматическихъ писателей столько же были по вкусу всѣхъ, сколько всѣ показывали въ нихъ успѣховъ. Особенно самъ

А. А. Плещеевъ неподражаемо дѣйствовалъ какъ диллетантъ, какъ артистъ и какъ декламаторъ.

Давно занимался Жуковскій составленіемъ сборника, который бы можно было назвать соединеніемъ всего лучшаго въ Русской поэзіи. Наподобіе Греческой антологіи, такіе сборники задолго до него извѣстны были въ литературахъ Нѣмецкой, Французской и Англійской. Они предназначаются въ пособіе исторической и теоретической части литературы. Взявши изъ каждаго поэта, который по таланту своему достоинъ изученія, одно замѣчательнѣйшее, или то, что составляетъ цвѣтъ его поэзіи, составитель антологіи опредѣляетъ, кого надобно почитать принадлежащимъ исторіи, и чѣмъ онъ останется памятенъ на ея страницахъ. Въ то же время избранныя стихотворенія, если только соблюдено будетъ предыдущее условіе, непремѣнно составятъ подтвержденіе правилъ науки, и представятъ образцы, какъ исполнять требованія теоріи. Отсюда слѣдуетъ,

что за изданіе подобной книги только и можетъ взяться истинный талантъ, классической писатель, знатокъ всего, что совершалось въ исторіи Словесности. Никто не усомнится, что у Жуковскаго всѣ были права на это предпріятіе. Но самая его идея такъ еще была тогда нова въ нашемъ отечествѣ, что Державинъ, какъ извѣстно изъ частной переписки, возставалъ противъ сборника Жуковскаго, находя въ исполненіи покушеніе на права собственности. Краснорѣчиво и со всею юридическою логикою отвѣчалъ ему А. И. Тургеневъ. Сборникъ не былъ остановленъ, и началъ съ 1810 года являться въ свѣтъ. Онъ называется: «Собраніе Русскихъ стихотвореній, взятыхъ изъ сочиненій лучшихъ стихотворцевъ Россійскихъ и изъ многихъ Русскихъ журналовъ». Впослѣдствіи времени явилось множество такихъ сборниковъ. Но такъ какъ у подражателей, лишенныхъ дарованія и знаній, самый лучшій примѣръ обращается въ поводъ къ предпріятіямъ безплоднымъ и даже смѣшнымъ,

то и не удивительно, что размноженіе ихъ охладило къ нимъ общее вниманіе.

VIII.

Въ іюлѣ 1812 года обнародованъ былъ Высочайшій манифестъ о составленіи военной силы. Сердце Поэта встрепенулось. Онъ въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ поступилъ въ Московское ополченіе въ чинѣ Поручика. Постоянно находясь при дежурствѣ Главнокомандующаго арміями Князя Кутузова-Смоленскаго, Жуковскій уже въ ноябрѣ того же года, за отличіе въ сраженіяхъ, награжденъ былъ чиномъ Штабсъ-капитана и орденомъ Св. Анны 2-й степени. Онъ сопровождалъ главную квартиру до Вильно, гдѣ занемогъ опасною горячкою, и въ состояніи безпамятства былъ тамъ оставленъ съ другими больными. Въ декабрѣ 1812 года ополченіе было распущено, и онъ получилъ увольненіе отъ Московской военной силы. Изнуренный усталостію и еще невыздоровѣвшій, онъ возвратился къ своимъ въ

Муратово. Но этотъ короткій періодъ его жизни внесъ въ исторію такое безсмертное дѣло, о которомъ никогда не забудетъ Россія. Послѣ отдачи Москвы непріятелю, передъ сраженіемъ при Тарутинѣ, Жуковскій написалъ стихотвореніе: «Пѣвецъ въ станѣ Русскихъ воиновъ». Впечатлѣніе, произведенное имъ не только на войско, но и на всю Россію, неизобразимо. Это былъ воинственный восторгъ, обнявшій сердца всѣхъ. Каждый стихъ повторяемъ былъ какъ завѣтное слово. Подвиги, изображенные въ стихотвореніи, имена, внесенныя въ эту лѣтопись безсмертныхъ, сіяли чуднымъ свѣтомъ. Поэтъ умѣлъ избрать лучшій моментъ изъ славныхъ дѣлъ всякаго героя и выразилъ его лучшимъ словомъ: нельзя забыть ни того, ни другаго. Эпоха была безпримѣрная— и Пѣвецъ явился достойнымъ ея. Вотъ что послѣ сказалъ онъ самъ о ней:

«На лиру съ гордостью подъемлетъ взоръ пѣвецъ....
«О дивный вѣкъ, когда пѣвецъ Царя — не льстецъ,
«Когда хвала—восторгъ, гласъ лиры — гласъ народа,

«Когда все сладкое для сердца: честь, свобода,
«Великость, слава, миръ, отечество, алтарь,
«Все, все слилось въ одно святое слово: Царь!»

Можетъ быть, патріотическій энтузіазмъ никогда и нигдѣ не доходилъ до такой силы и всеобщности, какъ у насъ въ отечественную войну. Въ одинъ годъ «Пѣвца» вышло два изданія. И такъ не удивительно, что сочувствіе къ энтузіазму Поэта повсемѣстно выразилось въ высшей степени. Императрица Марія Θеодоровна, прочитавъ это стихотвореніе Жуковскаго, поднесенное Государынѣ И. И. Дмитріевымъ, приказала просить автора, чтобы онъ доставилъ Ея Величеству экземпляръ стиховъ, собственною рукою его переписанный, и приглашала его въ Петербургъ. Не чувствуя себя еще въ силахъ на поѣздку, онъ отправилъ требуемый экземпляръ, прибавивши новое стихотвореніе, начинающееся словами:

«Мой слабый даръ Царица ободряетъ...»

Только въ 1815 году Жуковскій наконецъ прибылъ сюда. Немедленно удостоен-

ный самаго милостиваго пріема у Государыни, онъ тутъ же получилъ назначеніе быть чтецомъ у Ея Величества. Павловскъ тогда сдѣлался средоточіемъ лучшихъ писателей нашихъ: Карамзинъ, Крыловъ, Дмитріевъ, Нелединскій, Гнѣдичь и Жуковскій являлись на вечернихъ бесѣдахъ Августѣйшей Покровительницы отечественныхъ талантовъ.

IX.

Съ этой поры все, окружавшее Поэта, было для него ново: неизмѣнными остались его вдохновеніе, любовь его къ поэзіи, и чистое, природою для простоты взлелѣянное сердце. Друзья сладостной сельской жизни его также покинули Муратово. К. А. Протасова переѣхала въ Дерптъ, куда А. Ѳ. Воейковъ назначенъ былъ Профессоромъ Русской словесности въ Университетѣ. Старшая дочь ея, Марья Андреевна, вышла тамъ замужъ за Профессора Мойера. Тамъ она и скончалась въ 1823 году. Это было суще-

ство неземное. Воспоминаніе о ней всю жизнь наполняло душу Поэта чѣмъ-то небеснымъ. Жуковскій въ Петербургѣ сперва жилъ у Д. Н. (Графа) Блудова, котораго дружба съ дѣтскихъ лѣтъ не покидала его до кончины. А. А. Плещеевъ, овдовѣвъ, переѣхалъ съ дѣтьми сюда же. Съ нимъ и Поэтъ устроилъ общую себѣ квартиру, возложивъ на него холостое хозяйство свое и потому въ шутку называя его своей женою. Они поселились у Кашина моста за каналомъ въ угловомъ домѣ. Сюда по субботамъ собирался на вечеръ къ Жуковскому избранный кружекъ тогдашнихъ писателей и любителей просвѣщенія. Было что-то рѣдкое въ этомъ братствѣ и общеніи лучшихъ талантовъ и лучшихъ умовъ столицы. Разговоръ естественно склонялся на то, чѣмъ преимущественно занимались гости. Совершенствованіе произведеній ума и вкуса столько же у всѣхъ было на сердцѣ, какъ слава и благосостояніе отечества. Писатели, уже пользовавшіеся общимъ уваженіемъ, и молодые люди, едва

выступившіе на свое поприще, но увѣнчанные надеждою, всѣ съ одинаковою откровенностію высказывали мысли свои, потому-что равно любили Искуство и искали только истины. Такъ называвшееся «Арзамазское» Общество, въ которомъ изъ-подъ шуточныхъ формъ юношеской причудливости много блеску, остроумія и свѣжести сообщилось Русской литературѣ, видимо продолжало существованіе свое на вечерахъ Жуковскаго. Главнѣйшіе подвижники идеи Прекраснаго и здѣсь были тѣ же. Они только возмужали въ сужденіяхъ и серьёзно принялись за дѣло. Еще до отъѣзда Батюшкова въ Италію тутъ же явился Пушкинъ съ первыми пѣснями «Руслана и Людмилы». Каждую субботу приносилъ онъ новую пѣснь. Сколько предметовъ открывалось для тонкихъ замѣчаній и дружескихъ, но тѣмъ не менѣе строгихъ сужденій!

Въ теченіе 1816 года Жуковскій привелъ къ окончанію первое изданіе стихотвореній своихъ, написанныхъ въ разное время. Они

явились въ двухъ томахъ, и приняты были всѣми съ восхищеніемъ. Въ Россіи никогда молодое поколѣніе не увлекалось съ такою пламенною любовію за образцемъ своимъ, какъ это ощутительно было въ описываемую эпоху. Только и разговаривали о стихахъ Жуковскаго, только ихъ и повторяли другъ другу наизустъ. Это можно сравнить развѣ съ энтузіазмомъ къ Гёте въ Германіи. Когда Министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, Князь А. Н. Голицынъ, представилъ Императору Александру Павловичу экземпляръ этихъ стихотвореній, Его Величество выразилъ автору совершенное Свое удовольствіе, пожаловавши ему брильянтовый перстень съ вензеловымъ Своимъ изображеніемъ и 4,000 руб. ежегоднаго пожизненнаго пансіона. Царскія милости встрѣтили въ душѣ автора такой отзывъ, который достоинъ извѣстности. Онъ до сихъ поръ таіно сохранялся въ одномъ частномъ письмѣ его изъ Дерпта. «Пансіонъ, который далъ «мнѣ Государь (говоритъ онъ другу, вызы-

вавшему его оттуда въ Москву), который я «считаю наградою за *добрую надежду*, нала-«гаетъ на меня обязанность трудиться, до-«рожить временемъ и успокоить совѣсть свою, «написавъ что-нибудь важное. Слава достой-«ная есть для меня теперь тоже, что благо-«дарность. Чтобы работать порядкомъ, на-«добно сидѣть на мѣстѣ; а чтобы написать «что нибудь важное, надобно собрать для «этого матеріалы. У меня сдѣланъ планъ: «онъ требуетъ множества матеріаловъ исто-«рическихъ. Того, откуда я ихъ почерпнуть «долженъ, съ собою взять не могу — а вре-«мя между тѣмъ летитъ. Что, если оно уле-«титъ и умчитъ съ собою возможность что «нибудь сдѣлать? Я столько потерялъ вре-«мени, что теперь каждая минута кажется «важною. Вся моя протекшая жизнь есть не «иное что, какъ жертва мечтамъ — жалкая «жертва! и боюсь, не потерялъ ли я уже воз-«можности пользоваться настоящимъ. Мнѣ «нельзя перетащить съ собою всѣхъ своихъ «книгъ; а большая часть ихъ будетъ мнѣ

«нужна, если не для чтенія, то для справокъ. «Сверхъ того, я беру здѣсь лекцію, именно «для моего плана весьма важную. Она продолжится отъ февраля до конца мая, и должна облегчить мнѣ большой трудъ. Однимъ «словомъ, въ нынѣшнемъ и будущемъ году «я долженъ написать что нибудь важное: «безъ этого душа не будетъ на мѣстѣ. Я не «долженъ обмануть надежды Царской».

X.

Между тѣмъ, какъ Жуковскій съ такою строгостію судилъ себя, и готовился къ новому поэтическому труду съ такою добросовѣстностію, судьбѣ угодно было послать неожиданный оборотъ кабинетнымъ его занятіямъ. Ему было суждено соединить съ живою поэзіею тихую педагогію. Онъ избранъ былъ для преподаванія уроковъ Русскаго языка Государынѣ Великой Княгинѣ, нынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Ничего нѣтъ назидательнѣе, какъ созерцаніе и изученіе жизни великаго человѣка, осо-

бенно во время переходовъ его съ одного поприща на другое, когда онъ долженъ не только показать новыя силы ума, но и быстро усвоить новыя пособія знаній. Въ этихъ-то случаяхъ Жуковскій и представляетъ собою образецъ, достойный подражанія. Съ удивительнымъ спокойствіемъ и терпѣніемъ онъ принялся за обработываніе Грамматики Русскаго языка, и особенно за изслѣдованіе глаголовъ его, этой загадки, до сихъ поръ вполнѣ неразгаданной. Жуковскій чувствовалъ, что надобно собственнымъ взглядомъ и собственными соображеніями переселить науку въ душу свою, когда приходится въ ея лабиринтъ вводить другое лицо. Чужая система, какъ бы хороша ни была она, не срастается органически съ нашими сужденіями. Слова, приготовленныя для насъ чужимъ умомъ, какъ-то неубѣдительны въ устахъ нашихъ. Имъ слѣдуетъ выработаться въ нашей душѣ и звучать силою собственнаго убѣжденія нашего. Онъ ревностно обработалъ каждую часть Русской Грамматики,

и такъ облегчилъ спряженія, что ему самому весело было съ любопытствующими разсматривать узоры этихъ іероглифовъ. Объ одномъ нельзя не пожалѣть: Жуковскій, въ продолженіе слѣдующихъ годовъ жизни, много составилъ руководствъ и пособій по разнымъ наукамъ, а ничего не издалъ для общаго употребленія. Сперва удерживался онъ естественною скромностію, а наконецъ продолжительная разлука съ друзьями и отечествомъ не допустили его до исполненія мысли, которую онъ лелѣялъ и о которой безпрестанно говорилъ въ своихъ письмахъ. «Чтобы «обратиться къ моимъ педагогическимъ заня-«тіямъ (которыя не безъ поэзіи), писалъ онъ въ «послѣднее время, я желалъ бы составить пол-«ный курсъ домашняго, систематическаго уче-«нія, составить его такъ, чтобы онъ могъ при-«годиться и въ другихъ семействахъ, чтобы «отцы и матери могли имъ пользоваться, не «прибѣгая къ помощи наемниковъ. Но удаст-«ся ли это? Глаза служатъ плохо; работать «долго стоя, какъ я привыкъ прежде, уже

«не могу: ноги устаютъ; сидя работать так-
«же долго не могу: кровь бѣжитъ въ голо-
«ву. И какъ нарочно, думая, что въ 1848
«году отправлюсь въ Россію, я всѣ свои пе-
«дагогическія работы отослалъ вмѣстѣ съ
«нужными книгами въ Петербургъ. Надоб-
«но начинать снова; время не терпитъ. А
«когда буду на мѣстѣ — какъ узнать? Еще
«не знаю, *гдѣ будетъ мое мѣсто!*» Въ дру-
гомъ письмѣ объ этомъ же предметѣ онъ
говоритъ: «Я не намѣренъ печатать ничего
«въ прозѣ, кромѣ развѣ моихъ грамматиче-
«скихъ таблицъ, моей живописной азбуки,
«моей живописной священной исторіи, моей
«мнемонической ариѳметики и моего исто-
«рическаго атласа древней исторіи, которую
«постараюсь привести къ окончанію до мое-
«го отъѣзда изъ Бадена». Еще замѣчатель-
нѣе то краснорѣчіе, съ которымъ защищалъ
онъ свою педагогію, когда вызывали его отъ
нея къ поэзіи. «Не горюйте (отвѣчаетъ онъ
«въ одномъ письмѣ), что я, отложивъ поэзію,
«принялся за дѣтскую азбуку. Въ этомъ заня-

«тіи глубокая жизнь. Первое воспитаніе, пер-
«выя понятія дѣтей принадлежатъ, какъ свя-
«тѣйшее, нераздѣлимое ни съ кѣмъ сокрови-
«ще, отцу и матери. Кому можемъ мы усту-
«пить эту прелесть перваго знакомства съ
«первыми проявленіями душевной и мыслен-
«ной жизни нашего младенца? Что сильнѣе
«можетъ утвердить союзъ сердецъ между
«родителями и дѣтьми, какъ не этотъ *сово-
«купный* входъ *однихъ обратно*, въ дѣтскія
«ихъ лѣта, воскресающія передъ ними въ
«младенчествѣ ихъ дѣтей, а *другихъ впередъ*,
«на первый, свѣжій, только начинающій раз-
«цвѣтать лугъ ихъ лучшихъ лѣтъ, рука въ
«руку съ отцемъ и матерью, которые одни
«могутъ съ ними играть на этомъ лугу, за-
«бывая свои зрѣлыя, или старыя лѣта?» Да-
лѣе онъ прибавляетъ: «Нѣтъ, мой милый!
«это педагогическое занятіе не есть просто
«механическое преподаваніе азбуки и ме-
«ханическій счетъ — это педагогическая по-
«эма, въ которую все входитъ, и которой ни-
«кто не можетъ сочинить съ такимъ един-

«ствомъ», какъ самъ отецъ, если только онъ «имѣетъ къ тому призваніе». Уже по этимъ отрывкамъ можно судить, какъ онъ былъ способенъ увлечься новымъ трудомъ, совсѣмъ на новомъ поприщѣ, и сколько въ глубокой душѣ его лежало умственныхъ сокровищъ!

XI.

Какъ ни строго исполнялъ Жуковскій свои обязанности въ новой должности, поэтически-дѣятельная мысль его изобрѣла средство слить въ одно занятіе поэзію и языкоученіе. Августѣйшая Слушательница уроковъ его помнила наизустъ лучшія небольшія стихотворенія изъ первокласныхъ Нѣмецкихъ поэтовъ. Преподаватель Русскаго языка, одаренный необыкновеннымъ талантомъ возсозидать всякое произведеніе поэзіи на языкѣ отечественномъ, не измѣняя не только идей и красотъ его, но сохраняя даже въ каждомъ стихѣ число и порядокъ его словъ, началъ переводить эти перлы поэзіи. Можно вообразить всю занимательность

и прелесть преподаванія, когда основаніемъ урока служило чтеніе восхитительныхъ стиховъ на двухъ языкахъ; когда одни и тѣже мысли, расказы, описанія, картины незамѣтно печатлѣлись въ умѣ, обогащая память не звуками безъ образовъ, а проникающими въ душу словами, изъ которыхъ при каждомъ по-Русски оставалось все то, что такъ было неразлучно при немъ же по-Нѣмецки. Въ этомъ счастливомъ настроеніи ума не трудно уже было дополнять его пріобрѣтенія указаніями на таблицы склоненій и спряженій. Можно поэтому сказать, что вѣрнѣе Жуковскаго никому не удавалось приводить въ исполненіе знаменитое Гораціево правило: *пріятное съ полезнымъ.* Переводы, для особаго назначенія вылившіеся изъ-подъ пера Поэта, онъ хранилъ какъ что-то освященное, и потому напечаталъ ихъ въ самомъ небольшомъ числѣ экземпляровъ. Они выходили тетрадками въ 12-ю долю листа на прекрасной бумагѣ съ бѣлою оберткою, гдѣ стояла на двухъ языкахъ надпись: «Для не-

многихъ». Въ продажѣ никогда ихъ не было. Ихъ получили отъ автора нѣкоторыя особы, дорогія для его сердца.

Вторая часть «Двѣнадцати спящихъ дѣвъ» кончена въ 1817 году. Авторъ напечаталъ всю Балладу отдѣльно, прибавивъ, кромѣ посвященія «Вадима» Д. Н. Блудову, стихи, которые написалъ передъ своимъ «Фаустомъ» Гёте, когда кончилъ «Елену». Жуковскій воспользовался тѣмъ обстоятельствомъ, что между началомъ и окончаніемъ Баллады его также очутился значительный промежутокъ времени, какъ и у Гёте при сочиненіи знаменитой Драмы. Конечно, никто не прочтетъ безъ умиленія этихъ очаровательныхъ строкъ по-Русски. Въ нихъ есть мѣста плѣнительнѣе самаго подлинника. Баллада же останется въ литературѣ нашей самымъ живымъ, самымъ вѣрнымъ отголоскомъ прекрасной души Поэта, когда всѣ лучшіе двигатели вдохновенія: молодость, любовь, чистота, набожность и сила, совокупно въ ней дѣйствовали.

Какъ писатель въ прозѣ, Жуковскій занимаетъ въ нашей литературѣ одно изъ первыхъ мѣстъ. По своему призванію отдавшись вполнѣ стихотворству, немного успѣлъ онъ обработать прозаическихъ сочиненій; но и они показали въ немъ законодателя прекраснаго Русскаго языка и свѣтлаго мыслителя. Пушкинъ, говоря о критическихъ его сочиненіяхъ, признавалъ въ немъ лучшаго по этой части писателя въ Россіи. Особенно драгоцѣнны для насъ, какъ образцы повѣствованій, его переводы Повѣстей, помѣщенные имъ въ «Вѣстникѣ Европы». Никто живѣе его не умѣлъ чувствовать и вѣрнѣе передавать красокъ мѣстности, разнообразія характеровъ, оттѣнковъ народности и другихъ принадлежностей, которыми талантъ возвышаетъ надъ обыкновенными явленіями каждое свое созданіе. И такъ не удивительно, что переводы и сочиненія Жуковскаго въ прозѣ начали являться въ отдѣльныхъ изданіяхъ. Первые напечатаны въ 1816 — 1817 г., а вторыя въ 1818, въ Москвѣ. Здѣсь въ Петербургѣ готовили

между тѣмъ второе изданіе его «Стихотвореній», которое тоже въ 1818 году вышло въ трехъ уже томахъ.

Успѣхи Жуковскаго въ литературномъ мірѣ привлекли къ нему вниманіе разныхъ ученыхъ Обществъ, которыя, одно передъ другимъ, спѣшили внести имя его въ свои лѣтописи, какъ имя Члена своего. Такъ, напримѣръ, въ 1816 году это было въ Дерптскомъ Университетѣ, въ 1818 въ Россійской Академіи, въ 1829 въ Санктпетербургскомъ Университетѣ, и проч.

XII.

Какъ ни пріятною казалась жизнь Поэта, посвященная прекраснымъ трудамъ, которые увѣнчиваемы были повсемѣстными успѣхами, однако же судьба умѣла приготовить ему еще лучшія удовольствія. Наступилъ 1821 годъ—и Жуковскій, въ числѣ особъ, сопровождавшихъ Великаго Князя, нынѣ благополучно царствующаго Императора, и Августѣйшую Супругу Его, отправился за гра-

Домъ, въ которомъ жилъ В. А. Жуковскій въ Баденъ-Баденѣ, съ августа 1848 до дня своей кончины 10-го (22 апрѣля) 1852 года.

ницу. Не суетныя развлеченія питали душу Поэта: прекрасная природа повѣяла на него плодотворнымъ вдохновеніемъ. Никогда поэтическая дѣятельность его не являлась столь производительною, какъ въ продолженіе этой поѣздки. Онъ успѣлъ въ одинъ годъ, не считая мелкихъ стихотвореній, подарить Русской литературѣ три поэмы. Вотъ ихъ заглавія: «Орлеанская дѣва» Шиллера, «Пери и Ангелъ» Мура и «Шильонскій узникъ» Байрона. Равныя по своимъ поэтическимъ красотамъ, онѣ представляютъ удивительное разнообразіе по самому характеру поэтовъ и по содержанію стихотвореній. Такое пріобрѣтеніе развѣтвило направленіе и нашей поэзіи. Мы особенно почувствовали успѣхи въ языкѣ нашемъ и въ Искуствѣ съ появленіемъ «Орлеанской дѣвы», соединяющей въ себѣ всѣ тоны поэзіи и все очарованіе драмы, развитой свободно и такъ счастливо примиряющей исторію съ поэзіею. Великолѣпныя празднества, приготовленныя въ Берлинѣ въ честь Августѣйшихъ Гостей, равно вдохнов-

ляли Поэта. «Лалла-Рукъ» Мура навела Берлинскій Дворъ на мысль устроить чудный маскарадъ въ восточномъ вкусѣ. Представленіе героини поэмы удостоила принять на себя Государыня Великая Княгиня. Стихи Жуковскаго, изображающіе Лалла-Рукъ, восхитительны.

«Мнилъ я быть въ обѣтованной
Той землѣ, гдѣ вѣчный миръ;
Мнилъ я зрѣть благоуханной,
Безмятежный Кашемиръ;
Видѣлъ я: торжествовали
Праздникъ розы и весны,
И пришелицу встрѣчали
Изъ далекой стороны.

«И блистая, и плѣняя —
Словно Ангелъ неземной —
Непорочность молодая
Появилась предо мной;
Свѣтлый завѣсъ покрывала
Отѣнялъ ея черты,
И застѣнчиво склоняла
Взоръ умильный съ высоты.

«Все — и робкая стыдливость
Подъ сіяніемъ вѣнца,
И младенческая живость,
И величіе лица,

И въ чертахъ глубокость чувства
Съ безмятежной тишиной —
Все въ ней было безъ искуства
Неописанной красой».

Но когда онъ описываетъ ее какъ олицетвореніе самой Поэзіи, какой-то обаятельный трепетъ чувствуется въ сердцѣ.

«Такъ пролетѣла здѣсь, блистая
Востока пламеннымъ вѣнцомъ,
Богиня пѣсней молодая
На паланкинѣ золотомъ.

«Какъ свѣжей утренней порою,
Въ жемчугѣ утреннемъ цвѣты,
Она плѣняла красотою,
Своей не зная красоты.

«И намъ съ своей улыбкой ясной,
Въ своей веселости младой,
Она казалася прекрасной
Всеобновляющей весной.

«Сама гармонія святая
Ея намъ мнилось бытіе,
И мнилось, душу разрѣшая,
Манила въ рай она ее.

«При ней всѣ наши мысли — пѣнье!
И каждый звукъ ея рѣчей,
Улыбка устъ, лица движенье,
Дыханье, взглядъ — все пѣсня въ ней.

Изъ одного мѣста въ письмѣ Жуковскаго къ другу ближе и точнѣе можно узнать, какими удовольствіями пользовался онъ во время пребыванія своего за границею. «Самая лучшая эпоха жизни моей послѣ раз«луки съ вами (говоритъ онъ) есть 1821 «годъ. Я постранствовалъ по Европѣ: про«велъ веселые полгода въ Берлинѣ; по«томъ видѣлъ часть Германіи, прелестный «Дрезденъ съ его живописными окрестно«стями; обошелъ пѣшкомъ Швейцарію; про«шелъ черезъ Сенъ-Готаръ въ Италію; былъ «въ Миланѣ; плавалъ по Lago Maggiore; «любовался Боромейскими островами; черезъ «Симплонъ и Валлисъ прошелъ къ подошвѣ «Montblanc; видѣлъ великолѣпіе и прелесть «Природы на берегахъ восхитительныхъ «Швейцарскихъ озеръ; плавалъ по Рейну; «любовался его великолѣпнымъ водопадомъ, «его зàмками, его богатыми виноградника«ми — и все это оставило на душѣ то волне«ніе, какое оставляетъ быстрый сонъ, исче«зающій въ минуту удовлетворенія. Не опи-

«сываю вамъ подробностей — можетъ быть, «вы будете имѣть ихъ печатныя. Путеше-«ствіе сдѣлало меня и рисовщикомъ: я на-«рисовалъ au trait около 80 видовъ, кото-«рые самъ выгравировалъ также au trait. «Чтобы дать вамъ понятіе о моемъ иску-«ствѣ, посылаю мои гравюры Павловскихъ «видовъ. Также будутъ сдѣланы и Швейцар-«скіе; только при нихъ будетъ описаніе».

XIII.

По возвращеніи въ Петербургъ, Жуковскій поселился ближе къ Аничкину Дворцу, сперва въ Итальянской улицѣ, гдѣ нынѣ Михайловская площадь, а потомъ на Невскомъ, прямо противъ Дворца. Тамъ и здѣсь собственныя комнаты его были въ квартирѣ семейства А. Ѳ. Воейкова, который въ 1820 году перешелъ на службу сюда, оставивъ Дерптскую каѳедру. Въ это время у Жуковскаго не было опредѣленнаго дня, въ который бы собирались къ нему друзья его. За то онъ каждый день видѣлъ многихъ изъ

нихъ, навѣщавшихъ его. Свободные вечера проводимы были по большей части у Карамзина, гдѣ, какъ въ центрѣ умственной дѣятельности, соединялись тогда представители высшей образованности и вкуса. Въ первомъ году по прибытіи изъ-за границы Жуковскій отдѣльно издалъ поэму: «Шильонскій узникъ», приготовляя уже къ печатанію всѣ стихотворенія свои третьимъ изданіемъ, которое и явилось 1824 года.

Посреди вседневныхъ трудовъ своихъ, педагогическихъ и литературныхъ, онъ еще принужденъ былъ въ этотъ періодъ жизни бороться съ напоромъ тягчайшихъ сердечныхъ испытаній. Въ 1823 году суждено ему было видѣть друга своего, поэта Батюшкова, въ болѣзненномъ разстройствѣ души. Жуковскій былъ готовъ на все рѣшиться, чтобы лично содѣйствовать избавленію страждущаго отъ ужаснаго его положенія. Нельзя представить ничего трогательнѣе словъ Жуковскаго, которыя сохранились въ одномъ его письмѣ въ Николаевъ во вре-

мя пребыванія Батюшкова въ Симферополѣ. «Хочу поручить вашему нѣжному по-«печенію друга (писалъ онъ), которому другъ «и вы заочно, ибо знаете его душу. Говорю «о нашемъ поэтѣ Батюшковѣ. Онъ теперь «находится въ Симферополѣ. Не смѣю на-«звать его болѣзни помѣшательствомъ: это-«го слова не хочется ни произносить, ни пи-«сать. Но его болѣзнь похожа на помѣша-«тельство. Онъ сдѣлался дикъ, отчуждился «отъ всѣхъ друзей; подозрѣніе овладѣло его «душею; онъ увѣренъ, что его окружаютъ ка-«кіе-то тайные враги, хотятъ лишить его «чести и очернить передъ правительствомъ. «Теперь слышу, что еще новое къ этой мы-«сли присоединилось: желаніе смерти. Бо-«лѣзнь такого рода, что требуетъ нѣжной, «осторожной и терпѣливой попечительности. «Но онъ одинъ въ Симферополѣ; объ немъ «заботится находящійся тамъ докторъ Мюль-«гаузенъ, и самъ губернаторъ Н*** знаетъ объ «немъ и хлопочетъ. Отсюда скоро поѣдетъ «къ нему родственникъ Ш***. Подумайте,

«не можете ли вы что нибудь сдѣлать? Ему «нужны осторожныя попеченія. Болѣзнь «нравственная — болѣе, нежели физическая. «Не можете ли вы съѣздить въ Симферополь, «когда будетъ тамъ Ш***? На мѣстѣ легче «знаешь, что нужнѣе всего сдѣлать. Увидите сами, и можете рѣшиться, чѣмъ принести пользу гибнущему. Напишите въ Симферополь (по полученіи этого письма), хотя «къ самому П***, чтобъ онъ увѣдомилъ васъ, «тутъ ли Ш***, и съѣздите туда сами, если «можно. Надобно или вытащить Батюшкова «изъ Крыма, или ввѣрить его надежному попеченію. Вѣроятно, что вы получите это «письмо тогда уже, когда Ш***, или кто «иной изъ родныхъ будутъ уже съ нимъ. «Вамъ стóитъ только прямо списаться съ «П***. Прошу васъ увѣдомить меня, на что «вы рѣшитесь».

Сильнѣйшее испытаніе тогда же потрясло душу нашего Поэта. Старшая дочь К. А. Протасовой, М. А. Мойеръ, скончалась въ Дерптѣ. Со времени переселенія своего

въ Петербургъ, Жуковскій тамъ видѣлъ какъ-бы новое для себя Мишенское. Ежегодно ѣздилъ онъ туда на поэтическій отдыхъ среди родныхъ, столь милыхъ его сердцу. Умершая была между ними существомъ незамѣнимымъ. Кто зналъ всю цѣну души ея, тотъ вѣрно примѣнитъ къ этому идеальному созданію восхитительные стихи Жуковскаго, какъ бы въ предчувствіи теперешняго событія за семь лѣтъ имъ написанные:

«Не узнавай, куда я путь склонила,
Въ какой предѣлъ изъ міра перешла...
О, другъ, я все земное совершила:
Я на землѣ любила и жила.

«Нашла ли ихъ, сбылись ли ожиданья?
Безъ страха вѣрь; обмана сердцу нѣтъ;
Сбылося все; я въ сторонѣ свиданья,
И знаю *здѣсь*, сколь *вашъ* прекрасенъ свѣтъ.

«Другъ! *на землѣ* великое не тщетно!
Будь твердъ, а *здѣсь* тебѣ не измѣнятъ;
О, милый, *здѣсь* не будетъ безотвѣтно
Ничто, ничто: ни мысль, ни вздохъ, ни взглядъ».

Невозможно описать, до какой степени растерзана была душа его скорбію, когда

онъ возвратился сюда, проводивши драгоцѣнный прахъ до послѣдняго земнаго жилища. Только тотъ можетъ ясно представить его состояніе, кто зналъ трогательную привязанность его ко всему, доносившему до него сладостный отзывъ далеко отодвинувшагося дѣтства и милыхъ о немъ воспоминаній. Всѣ письма его къ роднымъ наполнены умилительнымъ лепетомъ этой младенческой до старости души, отовсюду порывавшейся къ первымъ ея друзьямъ, къ первому ея счастію. Въ 1824 году, послѣ извѣстія, что у А. П. Зонтагъ родилась дочь, Жуковскій писалъ такъ: «Какая-то Немезида преслѣду-«етъ меня. Я наказанъ небомъ за мою непро-«стительную лѣнь писать письма. Я точно «писалъ къ вамъ два раза по полученіи из-«вѣстія о вашей крошкѣ—но вы не получали «моихъ писемъ. По-дѣломъ мнѣ; но за что «же вамъ огорченіе? Ибо вамъ вѣрно весело «было бы слышать поздравительный голосъ «своего брата и друга. И такъ, хотя поздно, «поздравляю васъ съ вашимъ милымъ това-

«рищемъ. Дай Богъ, чтобы она долго, дол-
«го жила на вашу радость; чтобы пережила
«васъ, но только тогда, когда вы уже буде-
«те довольны жизнію, и сами захотите въ
«другую сторону. Когда-то увидимся мы въ
«здѣшней сторонѣ — право и надежды нѣтъ!
«Вашъ прекрасный Крымъ, какъ будто да-
«лекая мечта для меня. Хотѣлось бы загля-
«нуть въ очарованный край — далекъ! далекъ!
«Хотѣлось бы взглянуть на васъ, на моего
«представителя прежнихъ, лучшихъ лѣтъ —
«но намъ суждено старѣться розно. Когда
«увидимся, то замѣтимъ другъ на другѣ, что
«долго были въ разлукѣ. Перемѣны прав-
«ственной во мнѣ не найдете — тотъ же ди-
«тя, житель уединенія. Но теперешняя жизнь
«остановила меня на одномъ мѣстѣ; я не
«перемѣнился и не подвинулся впередъ, слѣ-
«довательно остался назади — а все прежнее
«исчезло....»

XIV.

Переходъ къ новой, священной обязанности, къ новымъ, важнѣйшимъ занятіямъ стройно и твердо на одномъ предметѣ сосредоточилъ всѣ помыслы, всѣ заботы высоко-прекрасной души Поэта. Государю Императору, по вступленіи Его Величества на престолъ, благоугодно было избрать его въ Наставники при воспитаніи Великаго Князя Наслѣдника. Можетъ быть, послѣ добродѣтельнаго Фенелона, ни одно лицо не приступало къ исполненію этой должности съ такимъ страхомъ и благоговѣніемъ, какъ Жуковскій. Его воображеніе, умъ и сердце, измѣряя великость предстоящаго подвига, уже заранѣе обнимали всѣ его части, разлагали все въ подробности, совокупляли въ цѣлое — и не было для нихъ другой цѣли, кромѣ блага, чести и достоинства. Со времени поступленія въ преподаватели Русской словесности Ея Императорскому Высочеству, онъ причисленъ былъ по службѣ къ Министерству народнаго просвѣщенія, и въ 1823

году произведенъ сперва въ Коллежскіе Ассессоры, а послѣ въ Надворные Совѣтники. Нынѣ Его Величество, въ награду ревностной службы Жуковскаго, изволилъ пожаловать ему орденъ Св. Владиміра 3-й степени. Нѣкоторымъ образомъ можно заглянуть въ душу Поэта нашего и усмотрѣть, что въ ней происходило, когда прочитаемъ слѣдующія его строки изъ письма къ одному другу: «Ваше письмо точно было голосъ съ того «свѣта, а *тѣмъ свѣтомъ* я называю нашу «молодость, наше бывалое, счастливое *вмѣ*-«*стѣ*. Какъ давно не говорили мы другъ съ «другомъ! Какъ давно мы розно! Неужели «мы стали другъ для друга чужіе? Не я «этотъ вопросъ дѣлаю! Я не могу его сдѣ-«лать *себѣ* на вашъ счетъ, ибо не естествен-«но притти ему въ голову: сердце не пропу-«ститъ—сердце, въ которомъ всегда, всегда «живо братское къ вамъ чувство и благодар-«ность за ваше нѣжное товарищество въ луч-«шіе годы жизни, и дружба, которая никог-«да не переставала быть чувствомъ настоя-

«щимъ и непринадлежащимъ одному воспо-
«минанію. Но мы не пишемъ другъ къ дру-
«гу — вотъ настоящая разлука! Мы не зна-
«емъ, что съ нами дѣлается. Все, что насъ
«окружаетъ, чуждо для каждаго изъ насъ.
«Чувствую это несчастіе — и никакъ не умѣю
«помочь ему. Со всѣми *моими* у меня одно!
«Сколько разъ принимался начинать пере-
«писку — и все понапрасну! Я отъ этой бо-
«лѣзни неизлечимъ, и чувствую съ горемъ,
«какъ она мучительна и убійственна. Она
«клевещетъ на меня передъ моими друзьями.
«Они полагаютъ, что параличь, заключаю-
«щійся въ однихъ моихъ пальцахъ, которые
«почти разучились водить перомъ въ послѣд-
«ніе дни, перешелъ въ мою душу. Нѣтъ!
«Душа еще жива, а письма не пишутся.
«Теперь почти сдѣлалось для меня невозмож-
«нымъ сохранить какую-нибудь точность въ
«перепискѣ. Моя настоящая должность бе-
«ретъ все мое время. Въ головѣ одна мысль,
«въ душѣ одно желаніе! Не думавши, не га-
«давши, я сдѣлался Наставникомъ Наслѣд-

«ника престола. Какая забота и отвѣтствен-
«ность (не ошибайтесь: Наставникомъ, а не
«Воспитателемъ — за послѣднее никогда бы
«не позволилъ себѣ взяться)! Занятіе, пита-
«тельное для души! Цѣль для цѣлой осталь-
«ной жизни! Чувствую ея великость, и всѣ-
«ми мыслями стремлюсь къ ней! До сихъ
«поръ я доволенъ успѣхомъ; но кругъ дѣй-
«ствія безпрестанно будетъ расширяться!
«Занятій множество; надобно учить и учить-
«ся — и время все захвачено. Прощай навсе-
«гда, поэзія съ риѳмами! Поэзія другаго ро-
«да со мною, мнѣ одному знакомая, понят-
«ная для одного меня, но для свѣта безмолв-
«ная. Ей должна быть посвящена вся осталь-
«ная жизнь. Вамъ объяснять этого нѣтъ
«нужды: мы съ вами взросли на однѣхъ иде-
«яхъ. И такъ, дайте мнѣ *отпускъ* на счетъ
«моего письменнаго молчанія, и не наказы-
«вайте меня своимъ».

Въ дѣлѣ первоначальнаго воспитанія и
ученія, обыкновенно еще сливающихся въ
одну задачу, весь успѣхъ зависитъ отъ умѣнья

развивать равномѣрно тѣлесныя и душевныя способности, ничего не покидая въ бездѣйствіи и ни къ чему не приступая преждевременно. Это повидимому простое и для всякаго ума ясное правило представляетъ въ примѣненіи своемъ величайшія затрудненія. Въ нихъ-то вперенъ былъ тогда заботливымъ умомъ своимъ весь Жуковскій. Во всѣ часы дня никто иначе не находилъ его, какъ за предварительными работами и предначертаніями. Не довѣряя легкомысленно одной опытности своей, своимъ только знаніямъ и живому постиженію прекраснаго своего ума, онъ читалъ все, что могъ найти полезнаго по этой части, совѣтовался съ извѣстнѣйшими въ столицѣ педагогами, и совершенствовалъ планъ свой день ото дня лучше и прочнѣе. Августѣйшему Питомцу совершилось тогда семь лѣтъ. Сколько можно было придумать для этого нѣжнаго возраста занятій, легкихъ, но необходимыхъ въ полномъ кругу постепеннаго ученія, все устроилъ предусмотрительный Наставникъ.

Онъ до того простеръ пламенную свою ревность въ святомъ дѣлѣ, что первые уроки каждаго предмета передавалъ самъ, желая на опытѣ убѣдиться, дѣйствительно ли они соотвѣтствуютъ его предположеніямъ. Озабочиваясь между тѣмъ раздѣленіемъ этого труда между достойнѣйшими по каждой части лицами, безъ чего занятія не получили бы законной своей характеристики, и самъ онъ изъ наблюдателя превратился бы въ сухаго энциклопедиста, Жуковскій съ полнымъ безпристрастіемъ, съ удивительнымъ вниманіемъ и осторожностію избралъ людей, которые должны были дѣйствовать подъ его главнымъ надзоромъ.

XV.

Великому дѣлу начало было положено. Передъ Поэтомъ-педагогомъ вдали виднѣлись новые труды, слышались новые вопросы и обнимали душу его новыя заботы. Онъ былъ изнуренъ физически, и сознавалъ необходимость обширнѣйшихъ пріобрѣтеній

по части педагогіи. Чтобы возстановить слабое здоровье свое, и тутъ же извлечь пользу для своей должности, въ 1826 году онъ снова собрался за границу. Это былъ годъ, въ который Россія лишилась Карамзина. Жуковскій всегда питалъ къ нему уваженіе, переходившее въ чувство какого-то благоговѣнія, потому-что онъ совершенно введенъ былъ въ святилище души Исторіографа. Собравшись въ свою поѣздку въ апрѣлѣ, Поэтъ не предвидѣлъ, что уже въ маѣ великая душа покинетъ землю. «Кто зналъ внутреннюю «жизнь Карамзина (слова Жуковскаго), кто «зналъ, какъ онъ всегда былъ непороченъ въ «своихъ побужденіяхъ, какъ въ немъ всѣ жи- «выя, независимыя отъ воли движенія серд- «ца были, по какому-то естественному срод- «ству, согласны съ правилами строгаго разу- «ма; какъ твердый его разумъ всегда смяг- «ченъ былъ нѣжнѣйшимъ чувствомъ; какой «онъ былъ (при всей высокой своей мудро- «сти) простосердечный младенецъ, и какъ «верховная мысль о Богѣ всѣмъ владыче-

«ствовала въ его жизни, управляя его жела-
«ніями и дѣйствіями, озаряя труды его ге-
«нія, проникая житейскія его радости и пе-
«чали, и соединяя все его бытіе въ одну
«гармонію, которая только съ послѣднимъ
«вздохомъ его умолкла для земли, дабы на-
«вѣки продолжаться въ мірѣ иномъ; словомъ,
«кто имѣлъ счастіе проникнуть въ тайну ду-
«ши Карамзина — для того зрѣлище смерти
«его было освященіемъ всего, что есть пре-
«краснаго и высокаго въ жизни, и подтвер-
«жденіемъ всего, что Вѣра обѣщаетъ намъ
«за гробомъ».

Въ октябрѣ 1827 года Жуковскій воз-
вратился изъ-за границы въ Петербургъ.
«Я не даромъ (говоритъ онъ въ одномъ пись-
«мѣ) ѣздилъ за границу: воды мнѣ помогли.
«Я воротился совсѣмъ не тотъ, каковъ по-
«ѣхалъ. Между тѣмъ видѣлъ много прекрас-
«ныхъ сторонъ; жилъ цѣлую зиму въ Дрез-
«денѣ, который самъ по себѣ и по преле-
«стнымъ окрестностямъ весьма пріятенъ.
«Жилъ на Рейнѣ и объѣздилъ берега Рейна,

«живописные и унизанные развалинами древ-
«нихъ рыцарскихъ за̀мковъ. Заглянулъ и въ
«Парижъ, который можно назвать безднoю
«дѣятельности. Нахожу, что лечиться такою
«методою весьма весело — но дорого. Впредь,
«если надобно будетъ за болѣзнію сдвинуть-
«ся съ мѣста, поѣду къ вамъ въ Одессу.
«Какъ бы желалъ васъ видѣть и порадовать-
«ся вашей милою, семейною, счастливою
«жизнію! И такъ, хоть одному изъ нашего
«прежняго круга удалось найти то, что ему
«надобно. Жребій этотъ выпалъ вамъ — и по
«дѣло̀мъ! Вы его сто̀ите!» Удовольствія по-
ѣздки, о которыхъ здѣсь упоминаетъ Жу-
ковскій, онъ видимо схватилъ на лету. Все
его вниманіе обращено было на изученіе
разныхъ системъ воспитанія. Особенно про-
веденная имъ зима въ Дрезденѣ посвящена
была этому занятію. Ни одного стихотворе-
нія онъ не написалъ ни въ 1826, ни въ
1827 году: такъ свято чтилъ онъ обя-
занности долга своего. За то портфель его
и библіотека приняли много сокровищъ,

привезенныхъ изъ путешествія. Въ его отсутствіе только явилось вторымъ изданіемъ «Собраніе сочиненій и переводовъ его въ прозѣ», напечатанныхъ въ 4-хъ томахъ въ Петербургѣ.

Развивая общую дѣятельность сотрудниковъ своихъ по начертанному имъ плану ученія Государя Наслѣдника, Жуковскій въ то же время озабоченъ былъ приготовленіемъ отдѣльныхъ соображеній, по которымъ надлежало устроить преподаваніе наукъ Великимъ Княжнамъ Маріи Николаевнѣ и Ольгѣ Николаевнѣ. Высокая довѣренность Ихъ Императорскихъ Величествъ возложила на него и эту лестную обязанность. Онъ получилъ для жительства своего комнаты въ той части Зимняго Дворца, гдѣ нынѣ съ баснословнымъ великолѣпіемъ устроенъ Императорскій Музеумъ. Ежедневно, лишь только должны были начинаться уроки, Наставникъ Порфирородныхъ Дѣтей являлся для присутствія при нихъ—и, полный вниманія, оживленный участіемъ, за всѣмъ слѣдовалъ

неослабно. Ничего нельзя вообразить умилительнѣе картины, какую представляло это соединеніе, съ одной стороны, людей въ зрѣломъ возрастѣ, стройно, ясно и назидательно излагающихъ важныя истины, занимательныя событія, или увлекательныя описанія, а съ другой, жадное вниманіе отроческаго возраста, ищущаго всему причины и усиливающагося все усвоить своей естественной любознательности. Жуковскій былъ неутомимъ въ изысканіи средствъ, которыя бы, облегчая пріобрѣтеніе, въ то же время и укрѣпляли его въ умѣ и памяти. Его жилище превратилось въ мастерскую ученаго художника, гдѣ по особеннымъ планамъ готовились всѣ пособія для классныхъ комнатъ. Но ни одна наука такъ не занимала его, какъ «Исторія», эта по преимуществу наука Царей. Обработыванію ея пособій онъ посвятилъ наибольшую часть драгоцѣнныхъ изобрѣтеній своихъ. Въ неусыпныхъ трудахъ его незамѣтно протекло полныхъ пять лѣтъ со времени послѣдняго его путеше-

ствія. Ежегодно производились испытанія во всѣхъ пройденныхъ предметахъ. Ихъ Императорскія Величества, съ довѣренными особами, приглашаемыми по уваженію специальныхъ свѣдѣній ихъ въ разныхъ частяхъ преподаваемыхъ наукъ, каждый разъ изволили присутствовать на экзаменахъ. Успѣхи, къ общему нашему счастію, находимы были соотвѣтствующими ожиданіямъ Августѣйшихъ Родителей. Благоволеніе Монарха выражалось для всѣхъ ощутительно. Жуковскій, въ теченіе этого періода, достигнулъ чина Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника.

XVI.

Воцаренная имъ гармонія въ педагогическихъ занятіяхъ и счастливое движеніе всѣхъ частей ученія смягчили наконецъ суровыя его заботы. Онъ началъ пользоваться нѣкоторыми свободными часами и ловить быстрыя минуты вдохновенія. Въ первый разъ въ это время оно слетѣло къ нему для изображенія картины, глубокою скорбію поразившей всю

Россію. Это было трогательное успокоеніе отъ долгихъ подвиговъ благотворительности Императрицы Маріи Өеодоровны. Жуковскій, у гроба Ея Величества, въ ночи, наканунѣ погребенія тѣла Ея, излилъ свои чувствованія, какъ вѣрный истолкователь того, чѣмъ трепетало сердце каждаго Русскаго. Съ какою всеоживляющею вѣрностію описываетъ онъ появленіе новаго Ангела, Который намъ посланъ Провидѣніемъ въ замѣнъ отлетѣвшаго!

«Взоръ его былъ грустно-ясенъ,
Ликъ задумчиво-прекрасенъ;
Надъ главою молодой
Кудри легкіе летали,
И короною сіяли
Розы бѣлыя на ней;
Снѣга чистаго бѣлѣй,
На плечахъ была одежда;
Онъ былъ свѣтелъ какъ надежда,
Какъ покорность небу тихъ —
И на крыліяхъ живыхъ,
Какъ съ привѣтственнаго брега
Голубь древняго ковчега
Съ вѣткой мира, онъ летѣлъ....»

Много другихъ стихотвореній написано имъ въ это же время. Любопытно обратить вниманіе на два изъ нихъ. Въ каждомъ характеристически изобразилось все уваженіе Поэта къ геніальнымъ произведеніямъ. Еще въ первой молодости онъ напечаталъ подражаніе Бюргеровой «Ленорѣ». Теперь показалось ему, что добросовѣстнѣе съ его стороны будетъ, если онъ эту прелестную балладу передастъ во всей точности оригинала, удержавъ даже самую форму стиховъ ея — что и исполнилъ. Балладу Шиллера «Кубокъ» онъ началъ переводить тоже въ давнюю пору своего стихотворства. Но при самомъ началѣ онъ замѣтилъ тогда, что переводъ его не можетъ сравниться съ подлинникомъ. Это и было причиной, что онъ оставилъ свой трудъ неконченнымъ. Почувствовавъ наконецъ убѣжденіе, что нынѣ, послѣ столькихъ опытовъ, достаточно силъ его и искуства на достойное выполненіе ранняго предпріятія, онъ приступилъ къ дѣлу и кончилъ его прекрасно.

Новая утрата въ семейномъ кругу его, такъ замѣтно распадавшемся, послѣдовала въ февралѣ 1829 года. Послѣ кончины М. А. Моейръ, вся родственная любовь его обращена была на ея сестру, А. А. Воейкову. Существо поэтическое, оживлявшее попеченіями нѣжнѣйшей дружбы должностные труды и заботы Жуковскаго, она по слабости здоровья принуждена была уѣхать изъ Петербурга, чтобы подъ благодатнымъ солнцемъ Италіи оживить исчезавшія свои силы. Суждено было иначе—и она, отправившись за границу, не увидѣла болѣе ни милаго отечества, ни милыхъ друзей своихъ.

Въ 1831 году, первое появленіе въ Петербургѣ холеры было причиною, что Высочайшій Дворъ, по отбытіи своемъ на осень изъ Петергофа въ Царское Село, оставался здѣсь долѣе обыкновеннаго. Жуковскій, нигдѣ не ослабляя строгаго исполненія прямой своей обязанности, случайно попалъ тогда на новую для себя дорогу въ поэзіи. Въ это время изъ Москвы прибылъ въ Цар-

ское Село Пушкинъ, и рѣшился провести тамъ осенніе мѣсяцы. Онъ только-что женился. Ему отрадно было насладиться новымъ счастіемъ въ тѣхъ мѣстахъ, подъ тѣми липами и кленами, которые лелѣяли его Лицейскую молодость. Понятно, что не проходило дня, въ которой бы Поэты не расказывали другъ другу о тѣхъ своихъ занятіяхъ, о которыхъ еще въ древности говорили, что утро имъ особенно благосклонно. Пушкинъ въ эту эпоху увлеченъ былъ Русскими сказками. Онъ тогда между прочимъ написалъ своего «Салтана и Гвидона». Жуковскій съ восхищеніемъ выслушивалъ игривыя риѳмы своего друга. Чтобы не отстать отъ него, онъ и самъ принялся за этотъ родъ поэзіи. Такимъ образомъ явились «Берендей», «Спящая Царевна» и «Война мышей съ лягушками». Въ это же время написаны и вмѣстѣ изданы: «Три стихотворенія на взятіе Варшавы», Жуковскаго и Пушкина. Баллады свои и Повѣсти въ стихахъ Жуковскій напечаталъ въ 1831 году отдѣльною книгою.

XVII.

Продолжительныя занятія, не прерываемыя какими либо развлеченіями, или перемѣною образа жизни, снова начали неблагопріятно дѣйствовать на здоровье Жуковскаго, вообще расположеннаго къ недугамъ людей, не покидающихъ кабинета. Не только тѣлесное ослабленіе отнимало у него силы къ продолженію трудовъ—на самомъ характерѣ его и на расположеніи духа видимо отражалось разстройство здоровья. Это побудило его въ 1832 году предпринять третье путешествіе за границу. Тѣмъ удобнѣе онъ могъ на это рѣшиться, что въ сердцѣ своемъ сознавалъ прочность, правильность и благоуспѣшность ученія, уже развитаго по его началамъ въ образованіи Государя Наслѣдника. Жуковскій въ нынѣшній разъ не былъ стѣсненъ въ своихъ мысляхъ, и свободно могъ какъ лечиться, такъ и заниматься поэзіею. Ему удалось прекрасно исполнить и то и другое. Въ собраніи стихотвореній его, годъ нынѣшней поѣздки кра-

суется на такихъ произведеніяхъ, которыя внесли въ нашу литературу удивительную прелесть. Въ особенности ничто не можетъ сравниться съ неподражаемою простотою «Романсовъ о Сидѣ», съ этою неувядающей поэзіею народа, котораго рыцарскія доблести и Христіанскія чувствованія такъ сіяютъ въ Европейской исторіи. Большую часть времени своего Жуковскій провелъ тогда въ Швейцаріи. Онъ жилъ съ семействомъ давнишняго друга своего, Русскаго Полковника Рейтерна, не подозрѣвая, что въ толпѣ дѣтей, окружающихъ уважаемаго и любимаго имъ отца, таится существо, которому черезъ восемь лѣтъ Провидѣніемъ суждено озарить лучшимъ счастіемъ послѣдніе годы жизни нашего Поэта.

Письма Жуковскаго, въ которыхъ изображаетъ онъ тогдашнюю жизнь свою, рисуя картины Природы, чудно переносятъ въ настроеніе души его и въ созерцаніе дѣйствующихъ на нее предметовъ. «Теперь 4-ое «января (стар. ст., 1833), говоритъ онъ въ

«одномъ письмѣ; день ясный и теплый; солн-
«це свѣтитъ съ прекраснаго голубаго неба;
«передъ глазами моими разстилается лазоре-
«вая равнина Женевскаго озера; нѣтъ ни
«одной волны; не видишь движенія, а толь-
«ко его чувствуешь: озеро дышетъ. Сквозь
«голубой паръ подымаются голубыя горы
«съ снѣжными, сіяющими отъ солнца вер-
«шинами. По озеру плывутъ лодки, за кото-
«рыми тянутся серебряныя струи, и надъ
«ними вертятся освѣщенные солнцемъ ры-
«боловы, которыхъ крылья блещутъ какъ
«яркія искры. На горахъ, между синевою
«лѣсовъ, блестятъ деревни, хижины, зàмки;
«съ домовъ, бѣлыми змѣями, вьются полосы
«дыма. Иногда въ тишинѣ, между огромны-
«ми горами, которыхъ громады приводятъ
«невольно въ трепетъ, вдругъ раздается звонъ
«часоваго колокола съ башни церковной:
«этотъ звонъ, какъ гармоника, промчавшись
«по воздуху, умолкаетъ — и все опять уди-
«вительно тихо въ солнечномъ свѣтѣ; онъ
«ярко лежитъ на дорогѣ, на которой тамъ и

«здѣсь идетъ пѣшеходъ и за нимъ его тѣнь.
«Въ разныхъ мѣстахъ слышатся звуки, не
«нарушающіе общей тишины, но еще болѣе
«оживляющіе чувство спокойствія; тамъ да-
«лекій лай собаки, тамъ скрыпъ огромнаго
«воза, тамъ человѣческій голосъ. Между тѣмъ
«въ воздухѣ удивительная свѣжесть; есть
«какой-то запахъ не весенній, не осенній, а
«зимній; есть какое-то легкое, горное благо-
«уханіе, котораго не чувствуешь въ равни-
«нахъ. Вотъ вамъ картина одного утра на
«берегахъ моего озера. Каждый день смѣняетъ
«ее другая. Но за этими горами Италія — и
«мнѣ не видать Италіи! Между тѣмъ живу
«спокойно, и дѣлаю все, что отъ меня зави-
«ситъ, чтобы дойти до своей цѣли, до вы-
«здоровленія. Живу такъ уединенно, что въ
«теченіе пятидесяти дней былъ только разъ
«въ обществѣ. Вѣроятно, что такое пустын-
«ничество навело бы наконецъ на меня мрач-
«ность и тоску; но я не одинъ. Со мною жи-
«ветъ Рейтернъ и все его семейство. Онъ

«усердно рисуетъ съ натуры *, которая здѣсь «представляетъ богатую жатву его кисти, а «я пишу стихи, читаю, или не дѣлаю ничего. Съ пяти часовъ утра до четырехъ съ «половиною пополудни (время нашего общаго обѣда), я сижу у себя, или брожу одинъ. «Потомъ мы сходимся, вмѣстѣ обѣдаемъ, и «вечеръ проводимъ также вмѣстѣ. Въ такомъ «образѣ жизни много лекарственнаго. Но «прогулки мои еще весьма скромны; еще «нѣтъ силъ взбираться на горы. За то гуляю «много по ровному прекрасному шоссе, всякой день и во всякую погоду. Теперь читаю «двѣ книги. Одна изъ нихъ напечатана моими Берлинскими знакомцами, Гумблотомъ «и Дункеромъ, довольно четко, на простой «бумагѣ, и называется: Menzel's Geschichte «unserer Zeit; а другая самою Природою на «здѣшнихъ огромныхъ горахъ, великолѣпнымъ изданіемъ. Титула этой послѣдней

* Тогда же былъ сдѣланъ и прекрасный портретъ Жуковскаго. Поэтъ стоитъ передъ открытымъ окномъ; его сигара дымится, и онъ въ задумчивости смотритъ на возносящіяся передъ нимъ вершины горъ.

«книги я еще не разобралъ. Но и то и дру-«гое чтеніе приводитъ меня къ одному и то-«му же результату». Онъ сравниваетъ перевороты міра физическаго съ переворотами политическаго міра, и съ удивительною ясностію, съ полною убѣдительностію выводитъ главныя истины, свидѣтельствующія, до какой степени его философія дружна съ Христіанствомъ.

XVIII.

Есть другое письмо Жуковскаго, писанное въ одно время съ приведеннымъ, и во многихъ мѣстахъ касающееся тѣхъ же предметовъ, вызвавшихъ тѣ же выраженія. Но такъ какъ онъ въ немъ разговариваетъ съ другомъ своего дѣтства (Анною Петровною Зонтагъ), то здѣсь душа его высказывается живѣе, переходя свободно отъ картинъ къ шуткамъ, а отъ шутокъ къ дѣламъ семейнымъ, или къ воспоминаніямъ о прошломъ. Здѣсь онъ виденъ точно такимъ, какъ его помнятъ друзья его въ своемъ обществѣ.

«*29 января (10 февраля) 1833. Вернѐ.* Вы «вѣрно думаете обо мнѣ на берегу Чернаго «моря въ этотъ день, а я думаю объ васъ на «берегу Женевскаго озера. Вѣроятно и око-«ло васъ то же, что вокругъ меня, то есть, «весна (посылаю вамъ первую фіалку, сор-«ванную нынче въ полѣ). Вашъ Эвксинъ «величественнѣе моего Лемана, но вѣрно не «живописнѣе своими утесами; а такихъ де-«ревень, какія здѣсь — у васъ и вспоминѣ «нѣтъ. За то въ вашу гавань влетаютъ на «парусахъ стопушечные корабли; шумъ тор-«говли и разнообразіе народовъ отличаютъ «вашу пристань; восточные костюмы напо-«минаютъ вамъ о Тысячѣ одной ночи, и подъ «часъ вѣсти о чумѣ приводятъ васъ въ без-«покойство. Здѣсь все тише и однообразнѣе; «нѣтъ такого величія въ равнинѣ озера, ко-«тораго гранитные, высокіе берега кажутся «весьма близкими; лазурь его водъ не столь «блистательна; волны его не столь огромны, «и ревъ его не такъ грозенъ во время бури; «вмѣсто кораблей летаютъ по немъ смирен-

Домъ, гдѣ жилъ В. А. Жуковскій въ Саксенгаузенѣ, близъ Франкфурта на Майнѣ, съ мая 1844 до августа 1848 г.

«ные челноки, оставляя за собою струю, и «надъ ними вьется рыболовъ. Но Природа «вездѣ — Природа, то есть, вездѣ очарова-«тельна. Какими она красками разрисовы-«ваетъ озеро мое при захожденіи солнца, ко-«гда всѣ цвѣта радуги сливаютъ небо и во-«ды въ одну великолѣпную порфиру! Какъ «ярко сіяетъ, по утрамъ, снѣгъ удивитель-«ной чистоты, на высокихъ темно-синихъ «утесахъ! Какъ иногда прелестна тишина «великолѣпныхъ горъ, при яркомъ солнцѣ, «когда оно перешло уже за половину пути и «начинаетъ склоняться къ закату, когда его «свѣтъ такъ тихо, такъ *усыпленно* лежитъ «на всѣхъ предметахъ! Идешь одинъ по до-«рогѣ; горы стоятъ надъ тобою подъ голу-«бымъ безоблачнымъ небомъ въ удивитель-«ной торжественности; озеро какъ стекло, «не движется, а дышетъ; дорога кажется ба-«гряною отъ солнечнаго свѣта; по горамъ «блестятъ деревья; каждый домъ, и въ боль-«шомъ разстояніи, виденъ; дымъ свѣтлого-«лубою движущеюся лентою тянется по тем-

«ной синевѣ утесовъ; каждая птица, летя-
«щая по воздуху, блеститъ; каждый звукъ
«явственно слышенъ: шаги пѣшеходца, съ
«коимъ идетъ его тѣнь, скрыпъ воза, лай
«собаки, свистъ голубинаго полета, иногда
«звонкій бой деревенскихъ часовъ.... все это
«прелесть! Но я вамъ принялся описывать
«то, что у меня передъ глазами, не сказавъ
«ни слова о себѣ. И не скажу ни слова, ибо
«все сказалъ въ письмѣ къ сестрѣ, которое
«вы получите вмѣстѣ съ вашимъ. Два раза
«пѣть одну пѣсню скучно, а мнѣ хотѣлось
«непремѣнно что нибудь прочирикать вамъ
«въ день моего рожденья — и такъ будьте
«довольны маленькимъ отрывкомъ Швей-
«царскаго ландшафта, который, самъ не
«знаю какъ, сбѣжалъ съ пера моего на бу-
«магу. Дѣло въ томъ, что нынче мнѣ стук-
«нуло 49 лѣтъ, и пошелъ пятидесятый годъ —
«плохо! Я не состарѣлся и, такъ сказать, не
«жилъ, а попалъ въ старики. Жизнь моя
«была вообще такъ одинакова, такъ сама на
«себя похожа и такъ однообразна, что я еще

«не покидалъ молодости, а вотъ ужъ надоб-
«но сказать рѣшительно «прости» этой мо-
«лодости, и быть старикомъ, не будучи ста-
«рымъ. Нечего дѣлать! Но мнѣ нѣкогда го-
«ворить о себѣ; поговоримъ объ васъ. Плет-
«невъ увѣдомляетъ меня, что вы прислали
«еще томъ своихъ Повѣстей; между ними
«есть одна, которая много слезъ выманила
«изъ глазъ его—одна, въ которой наше про-
«шлое описано перомъ вашимъ. Я просилъ
«его, чтобъ онъ велѣлъ, какъ можно, мельче
«переписать для меня эту Повѣсть, и при-
«слалъ бы въ первомъ письмѣ. Хочу, у по-
«дошвы Швейцарскихъ горъ, посидѣть на
«томъ низкомъ холмикѣ, на коемъ стоялъ
«нашъ Мишенской домъ съ своею смирен-
«ною церковью, на коемъ началась моя поэ-
«зія Греевой элегіею. А вамъ скажу одно:
«пишите, какъ можно, болѣе! У васъ въ ду-
«шѣ много богатства, въ умѣ ясности и опыт-
«ности. Вы имѣете рѣшительный даръ пи-
«сать, и овладѣли Русскимъ языкомъ. Я хо-
«чу для васъ не авторской славы; хочу

«для васъ сладости авторской жизни, а
«для читателей вашихъ истинной поль-
«зы. Какъ умная мать, которая знаетъ
«свое ремесло, ибо выучена ему любя-
«щимъ сердцемъ, здравымъ умомъ и опы-
«томъ, пишите о томъ, что знаете сами въ
«наукѣ воспитанія: теперь Повѣсти, а со
«временемъ соберите въ одну систему и пра-
«вила, коимъ сами слѣдовали. Передайте
«свою тайну другимъ матерямъ: поле, кото-
«рое можете обработать, неограниченно и не-
«истощимо. Для распространенія и приведе-
«нія въ порядокъ мыслей своихъ загляните
«въ лучшія книги (но весьма не многія) для
«воспитанія и нравственной философіи, и по-
«томъ бросьте ихъ — и пишите свое. Вы не
«обманетесь и не обманете другихъ, ибо на-
«пишете свое, взятое изъ существенной жиз-
«ни, и только обдуманное простымъ умомъ,
«не отуманеннымъ предразсудками и умство-
«ваніемъ. Этотъ совѣтъ посылаю вамъ вмѣ-
«сто подарка въ день рожденія».

Годъ и три мѣсяца пробылъ Жуковскій

за границею. Въ Швейцаріи же написалъ онъ первыя три Главы «Ундины», которой окончаніе отодвинуто было обстоятельствами до 1836 года. Въ началѣ сентября 1833 года прибылъ онъ къ своей должности, и съ новыми силами принялся за ежедневные труды.

XIX.

Оставалось совершиться послѣднему, важнѣйшему періоду великаго дѣла. Всѣ части приведены были въ такое положеніе, чтобы въ 1837 году, свободно и въ полнотѣ, онѣ достигли своего окончанія. При Божіей помощи ревностно шелъ путеводитель къ своей цѣли съ подкрѣпленными силами въ душѣ. Поэзія была отложена. Только 1834 годъ, столь памятный торжествомъ присяги Государя Наслѣдника, указалъ Поэту на его лиру. Его умилительная Пѣснь, оканчивающаяся прекраснымъ обращеніемъ къ Россіи, перешла въ достояніе народной памяти. «Многолѣтіе Государю» и «Три народныя пѣсни» явились

тогда же. Въ послѣдніе годы ученія Августѣйшаго Воспитанника, Жуковскій только предоставилъ право полнаго изданія «Сочинченій своихъ въ стихахъ и прозѣ», которое было четвертое, и явилось въ осьми томахъ: изъ нихъ семь напечатаны въ 1835, а послѣдній въ 1837, всѣ въ Петербургѣ. Правда, было одно лѣто, которое удалось ему вполнѣ посвятить поэзіи. Это случилось въ 1836 году. Онъ провелъ тогда часть лѣтнихъ мѣсяцевъ близъ Дерпта. Тамъ-то взялся онъ за покинутую «Ундину». Вотъ какъ самъ онъ расказываетъ о судьбѣ ея. «Повинуясь волѣ, которую мнѣ было осо-«бенно пріятно исполнить, я расказалъ Рус-«скими стихами «Ундину». Въ 1833 году, на-«ходясь въ Швейцаріи и живя уединенно на «берегу Женевскаго озера (въ деревенькѣ «Верне близъ Монтрё), написалъ я первыя «три Главы этой Повѣсти. По возвращеніи «моемъ въ Россію, занятія другаго рода на-«долго отвлекли меня отъ начатаго поэтиче-«скаго труда—и только въ нынѣшнемъ (1836)

«году я могъ опять за него приняться. По-«слѣднія Главы «Ундины» написаны въ сель-«скомъ уединеніи близъ Дерпта (въ Элист-«ферѣ), гдѣ я провелъ половину лѣта и могъ «попрежнему посвятить досугъ свой поэзіи». Скромный намекъ Поэта *на исполненіе воли*, въ чемъ заключалось его особенное удовольствіе, сдѣлается для внимательнаго читателя яснымъ, когда онъ сравнитъ посвятительные передъ «Ундиною» стихи съ другимъ его стихотвореніемъ, явившимся въ 1819 году, подъ заглавіемъ: «Праматерь Внукѣ».

При началѣ 1837 года, Жуковскій принялъ въ сердце глубокую рану. Ему суждено было присутствовать при кончинѣ Пушкина, котораго послѣднія минуты описалъ онъ въ трогательно-краснорѣчивомъ письмѣ къ отцу незабвеннаго Поэта. Жуковскій, наравнѣ со всѣми, оплакивалъ преждевременную утрату великаго Русскаго писателя — и въ то же время сердце его разрывалось отъ другой скорби: въ Пушкинѣ онъ терялъ какъ бы сына своего. Еще въ Лицеѣ Пуш-

кинъ былъ для него предметомъ нѣжнѣйшихъ попеченій, не только по причинѣ развивавшагося въ молодомъ человѣкѣ таланта, но и по давнишнимъ дружескимъ отношеніямъ Жуковскаго къ отцу его и дядѣ. Вышедши изъ Лицея, Пушкинъ для Жуковскаго былъ пріятнѣйшимъ, необходимымъ существомъ. Они, какъ первоклассные поэты, понимали другъ друга вполнѣ. Имъ весело было раздѣлить другъ съ другомъ каждую мысль. Никто вѣрнѣе не могъ произнести приговора о новомъ планѣ, о счастливомъ стихѣ, какъ они вмѣстѣ. «Какъ жаль, «что нѣтъ для меня суда Пушкина (сказалъ «Жуковскій, читая разборы перевода своего «Одиссеи»)! Въ немъ жило поэтическое от«кровеніе». За нѣсколько лѣтъ передъ нынѣшнимъ событіемъ Жуковскій возобновилъ у себя литературныя субботы, на которыхъ нѣкогда его друзья въ первый разъ привѣтствовали у него вступленіе на горизонтъ блестящаго свѣтила поэзіи. Многіе изъ тогдашнихъ посѣтителей Пѣвца «Свѣтланы» опять

къ нему явились; но еще многочисленнѣе было молодое поколѣніе талантовъ. Они всѣ радушно были принимаемы добрымъ хозяиномъ. Имъ всѣмъ у него было равно весело и равно полезно. Живой, острой и окрѣпшій въ мышленіи умъ Пушкина блисталъ въ разговорахъ свѣтлостію идей, быстротою соображеній и вѣрностію взгляда. Никто конечно не оцѣнилъ его съ большею истиною, какъ Жуковскій въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: «Россія лишилась своего любимаго «національнаго поэта. Онъ пропалъ для нея въ «ту минуту, когда его созрѣваніе совершилось; пропалъ, достигнувъ до той поворот«ной черты, на которой душа наша, проща«ясь съ кипучею, иногда безпорядочной си»лою молодости, тревожимой геніемъ, пре«дается болѣе спокойной, болѣе образова«тельной силѣ зрѣлаго мужества, столь же «свѣжей, какъ и первые, можетъ быть, не «столь порывистой, но болѣе творческой. У «кого изъ Русскихъ съ его смертію не отор«валось чего-то роднаго отъ сердца? Слава

«нынѣшняго царствованія утратила въ немъ «своего поэта, который принадлежалъ бы «ему, какъ Державинъ славѣ Екатеринина, «а Карамзинъ славѣ Александрова».

XX.

Зима 1837 года употреблена была Жуковскимъ на совокупныя работы съ К. И. Арсеньевымъ по составленію «Путеуказателя» для путешествія Государя Наслѣдника по Россіи. Вотъ что было сказано въ 1838 году въ «Современникѣ» объ этомъ трудѣ: «Въ Путеуказателѣ изложены всѣ важнѣй-«шія примѣчательности на пути Его Высо-«чества. Каждый переѣздъ, достопамятныя «на немъ мѣста, любопытное селеніе или «городъ, даже частныя лица, сдѣлавшіяся «извѣстными по какимъ нибудь полезнымъ «предпріятіямъ, все уже въ системѣ, пред-«варительно мелькавшее воображенію Путе-«шественника, ожидало Его воззрѣнія и но-«вой мысли. Путеуказатель не только облег-«чалъ выборъ предметовъ любопытства, но

«служилъ какъ бы нитью для собственныхъ «идей Его Высочества, на которой онѣ въ «порядкѣ и полнотѣ нанизывались для буду-«щихъ соображеній». 2-го мая, изъ Царскаго Села, Государь Цесаревичъ изволилъ съ своею свитою отправиться въ это путешествіе, которое неиспытанною радостію должно было наполнить сердца всѣхъ Русскихъ. Двѣ трети года посвящены изученію Отечества, не въ кабинетѣ, а лицемъ къ лицу со всякимъ замѣчательнымъ предметомъ. Можно вообразить, сколько живыхъ, сладостныхъ, потрясающихъ душу ощущеній протѣснилось по сердцу Поэта въ продолженіе всей поѣздки. Ему трогательная приготовлена была встрѣча въ Бѣлевѣ, гдѣ память о немъ свято сохраняется и однимъ поколѣніемъ передается другому. Въ «Современникѣ» того же 1838 года, гдѣ съ подробностію изображено путешествіе Государя Наслѣдника по Россіи, отдѣльно представлено и о путешествіи Жуковскаго съ Его Высочествомъ. Тамъ между прочимъ сказано: «Во-

«ображая человѣка съ этимъ талантомъ, «съ этими знаніями и съ этимъ направлені-«емъ ума (что изъ твореній его такъ знако-«мо все каждому), можно представить живо, «какъ дѣйствовало на него путешествіе! Ежe-«ли зрѣлище, столь разнообразное какъ Рос-«сія, и столь близкое къ сердцу какъ оте-«чество, для каждаго изъ насъ, въ самыхъ «обыкновенныхъ обстоятельствахъ, стано-«вится источникомъ лучшихъ, неизгладимыхъ «воспоминаній, назидательныхъ уроковъ и «часто благотворныхъ помысловъ, то въ ка-«кой степени, при торжественномъ шествіи «Августѣйшаго Первенца обожаемаго нами «Монарха, оно поражало чувства, восхищало «душу и двигало сердце Поэта!»

Жуковскій изъ путешествія по Россіи прибылъ въ Петербургъ 17 декабря 1837 года. Онъ расказывалъ, что уже въ Тоснѣ, за 50 верстъ отъ столицы, увидѣлъ зарево, а въ десяти верстахъ узналъ, какое бѣдствіе въ городѣ....Нашедши въ комнатахъ своихъ все въ цѣлости, такъ, что ничто

даже съ мѣста не было тронуто, онъ съ трогательнымъ простодушіемъ говорилъ: «мнѣ было какъ-то стыдно!»

Въ 1838 году предстояло ему отправиться въ другое путешествіе, также въ свитѣ Государя Наслѣдника. Его Высочество изволилъ предпринять обозрѣніе Европы. Нѣтъ надобности пояснять, какія приготовленія занимали тогда Жуковскаго. Сколько важнѣйшихъ предметовъ, сколько историческихъ лицъ заранѣе являлось ему — и онъ чувствовалъ необходимость все привести для себя въ полную систему, въ ясное сознаніе. Онъ ни въ чемъ не способенъ былъ къ труду легкому, а тѣмъ менѣе поверхностному. Умъ его, глубоко проникающій во всѣ явленія жизни гражданской и нравственной, соединялъ великія послѣдствія съ созерцаніемъ чудной картины народовъ, какая ожидала ихъ впереди. Самая мѣстность, если только въ ея характерѣ было что нибудь яркое и поражающее наблюдательность, вызывала его къ изслѣдованіямъ. Въ «Современникѣ» 1838

года помѣщены отрывки подъ названіемъ: «Очерки Швеціи». Они до такой степени живописны, вѣрны съ природою края и проникнуты одушевленіемъ художника, что нельзя довольно надивиться, какъ Жуковскій могъ забыть ихъ, не включивъ въ собраніе сочиненій своихъ въ прозѣ, изданныхъ имъ въ 1849 году. Эти отрывки заимствованы изъ длиннаго, истинно поэтическаго «Письма» его, которое изъ Стокгольма онъ прислалъ тогда Великой Княжнѣ Маріи Николаевнѣ. По одному этому образчику можно судить, какъ онъ былъ полонъ каждаго предмета, съ которымъ готовился встрѣтиться, и какое сочувствіе разгаралось въ его душѣ ко всему видѣнному.

XXI.

Во время путешествія по Европѣ въ 1838 году, Жуковскій, въ подражаніе Гальму, написалъ драматическую поэму: «Камоэнсъ». На заимствованномъ основаніи онъ воздвигнулъ собственное зданіе, въ которомъ воз-

вышенныя его идеи сіяютъ изумительнымъ свѣтомъ. То, что высказывается изъ глубокой души его о тщетѣ земной славы, о чистотѣ поэтическаго призванія, ни съ чѣмъ не можетъ быть сравнено у другихъ поэтовъ. Тогда же, бывши въ Англіи, онъ близъ Виндзора посѣтилъ кладбище, подавшее Грею мысль написать его знаменитую элегію. Воспоминаніе о первомъ стихотвореніи, занимавшемъ нашего Поэта въ Мишенскомъ, и видъ трогательнаго мѣста, освященнаго вдохновеніемъ Грея, такъ подѣйствовали на его сердце, что онъ снова принялся за это стихотвореніе и въ другой разъ передалъ его намъ, но уже во всей безыскуственной прелести стиховъ подлинника.

Надобно еще указать на одинъ пропускъ въ упомянутомъ выше изданіи прозы Жуковскаго*. Онъ впрочемъ самъ замѣтилъ его,

* Не могу умолчать и еще о двухъ пропускахъ, пришедшихъ мнѣ теперь на память. Въ Современникѣ 1840 года (Т. XVIII) есть прекрасная характеристика «Стихотвореній И. И. Козлова,» составленная Жуковскимъ, и въ

и вотъ что сказалъ въ одномъ своемъ письмѣ, присланномъ сюда изъ Баденъ-Бадена въ октябрѣ 1850 года. «Странное дѣло сдѣ-«лалось; подивитесь моей памяти. Я на сихъ «дняхъ купилъ Русскую Грамматику, напечатанную въ Лейпцигѣ на Нѣмецкомъ язы-«кѣ: половину этой книги составляетъ хре-«стоматія, выборъ отрывковъ въ стихахъ и «прозѣ. Изъ моихъ твореній Нѣмецъ взялъ «только отрывокъ «Пѣвца въ станѣ Русскихъ «воиновъ (который теперь мнѣ самому весь-«ма мало нравится)»; а въ прозѣ напечаталъ «мое «Письмо о Бородинскомъ праздникѣ», о «которомъ я вовсе забылъ, и самъ теперь «не помню, къ кому оно было написано, и «гдѣ напечатано. А что оно напечатано — «въ томъ убѣждаетъ меня его появленіе въ «Нѣмецкой Грамматикѣ. Если бы я зналъ «объ его существованіи, то внесъ бы его «въ томъ «Прозы», ибо описаніе очень живо

томъ же журналѣ 1844 года (Т. XXXVI) «Письмо» его о кончинѣ Великой Княгини Александры Николаевны, превышающее все, написанное имъ въ прозѣ.

«и тепло, и мнѣ самому рѣшительно напом-«нило о самомъ событіи. Знаете ли вы объ «этомъ Письмѣ? Если знаете, скажите, гдѣ «оно гнѣздится?» Здѣсь рѣчь идетъ о стихотвореніи: «Бородинская Годовщина», передъ которымъ въ «Современникѣ», 1839 года, Жуковскій напечаталъ отрывокъ «Письма» своего тоже къ Е. И. В. Великой Княгинѣ Маріи Николаевнѣ, послѣ праздника въ воспоминаніе двадцатипятилѣтія Бородинской битвы. Въ теченіе этого года онъ только и написалъ два стихотворенія. Второе у него названо: «Молитвой нашей Богъ смягчился». Оно излилось изъ его сердца по выздоровленіи Великой Княжны Ольги Николаевны отъ тяжкой болѣзни. «Письмо» же и «Бородинская Годовщина» дѣйствительно принадлежатъ къ числу лучшихъ произведеній его таланта. Одно́ мѣсто изъ «Письма», вообще исполненнаго удивительной живости и величественныхъ картинъ, по всѣмъ правамъ должно войти въ очеркъ жизни автора. «Вечеръ этого дня, говоритъ онъ, провелъ я

«въ лагерѣ. Тамъ сказали мнѣ, что накану-
«нѣ въ арміи многіе повторяли моего «Пѣв-
«ца въ станѣ Русскихъ воиновъ», пѣсню, со-
«временную Бородинской битвѣ: признаюсь,
«это меня тронуло до глубины сердца; но
«въ этомъ чувствѣ не было авторскаго само-
«любія. Жить въ памяти людей по смерти
«не есть мечта: это высокая надежда здѣш-
«ней жизни. Но меня вспомнили *за-живо*;
«новое поколѣніе повторило давнишнюю пѣ-
«сню мою на гробѣ минувшаго. Это еще бо-
«лѣе разогрѣло мое устарѣвшее воображеніе,
«въ которомъ шевелился уже прежній ого-
«некъ, пробужденный всѣмъ видѣннымъ
«мною въ этотъ день. А живой разговоръ съ
«К. Г***, съ которымъ я встрѣтился въ ла-
«герѣ, и который своимъ поэтическимъ язы-
«комъ доказывалъ мнѣ, что Пѣвцу Русскихъ
«воиновъ, въ теперешнемъ случаѣ, *должно*
«помянуть времена прошлыя, далъ сильный
«толчекъ моимъ мыслямъ. Возвратясь изъ
«лагеря, я въ тотъ же вечеръ написалъ по-
«ловину моей новой Бородинской пѣсни, а на

«другой день, на переѣздѣ изъ Бородина въ «Москву, кончилъ ее; она была немедленно «напечатана; экземпляры отосланы въ ла-«герь, и эта пѣсня прочитана была въ арміи «на праздникѣ Бородинскаго Помѣщика. И «такъ привелъ Богъ, по прошествіи четверти «вѣка, на томъ же мѣстѣ, гдѣ въ молодости «душа испытала высокое чувство, повторить «то же, что въ ней было тогда, но уже не въ «тѣхъ обстоятельствахъ. Чего, чего не слу-«чилось въ этотъ промежутокъ времени ме-«жду кровавымъ сраженіемъ Бородинскимъ «и мирнымъ величественнымъ его праздни-«комъ! Съ особеннымъ чувствомъ смотрѣлъ «я въ этотъ день на нашего молодаго, цвѣ-«тущаго Бородинскаго Помѣщика, Который, «на праздникѣ Русскаго войска, былъ глав-«нымъ Представителемъ поколѣнія новаго».

Стихи «Бородинской Годовщины» можно уподобить самому торжественному «Requiem», погружающему душу въ созерцательную меланхолію. Передъ мысленнымъ взоромъ нашимъ въ стройномъ шествіи являются тѣ

незабвенныя лица, тѣ чудныя событія, которыми увѣковѣчена память 1812 года. Встрѣча съ ними не приводитъ насъ въ радостный трепетъ какъ въ «Пѣвцѣ», но вызываетъ изъ глубины души тихое благоговѣніе и слезы благодарности.

«И Тебя мы пережили,
И Тебя мы схоронили,
Ты, Который тронъ и насъ
Твердымъ Царскимъ словомъ спасъ,
Вождь вождей, Царей Диктаторъ,
Нашъ великій Императоръ,
Міра свѣтлая звѣзда!
И Твоя пришла чреда!

«О година Русской славы!
Какъ тѣснились къ намъ Державы!
Царь нашъ съ ними къ чести шелъ.
Какъ спасительно Онъ ввелъ
Рать Москвы къ врагамъ въ столицу!
Какъ незлобно Онъ десницу
Протянулъ врагамъ Своимъ!
Какъ гордился Русскій Имъ!

«Вдругъ.... отъ всѣхъ честей далёко,
Въ бѣдномъ краѣ, одиноко
Передъ плачущей Женой,
Нашъ Владыка, нашъ Герой,
Гаснетъ Царь благословенной —
И за гробомъ, сокрушенно,

Въ погребальный слившись ходъ,
Вся Имперія идётъ.

....

«Всходитъ дневное свѣтило
Такъ же ясно, какъ всходило
Въ чудный день Бородина;
Рать въ колонны собрана —
И сіяетъ передъ ратью
Крестъ небесной благодатью,
И подъ нимъ въ виду колоннъ
Въ гробѣ спитъ Багратіонъ.

«Здѣсь онъ палъ, Москву спасая —
И, далеко умирая,
Слышалъ вѣсть: Москвы ужъ нѣтъ!
И опять онъ здѣсь, одѣтъ
Въ гробѣ дивною бронею,
Бородинскою землею —
И великій въ гробѣ сонъ
Видитъ вождь Багратіонъ.

....

«Память вѣчная, нашъ славный,
Нашъ смиренный, нашъ державный,
Нашъ спасительный Герой!
Ты обѣтъ изрекъ святой;
Слово съ трона роковое
Повторилось въ дивномъ боѣ
На поляхъ Бородина:
Имъ Россія спасена.

«Память вѣчная вамъ, братья!
Рать младая къ вамъ объятья

Простираетъ въ глубь земли:
Нашу Русь вы намъ спасли.
Въ свой чередъ мы грудью станемъ;
Въ свой чередъ мы васъ помянемъ,
Если Царь велитъ отдать
Жизнь *за общую намъ мать».*

XXII.

Кто не согласится, сообразивъ многія изъ обстоятельствъ жизни Жуковскаго, что въ пути своемъ онъ шелъ по какому-то указанію руки незримой, но его не покидавшей? Самъ онъ глубоко въ душѣ своей сознавалъ это—и со всею преданностію, съ исполненнымъ благодарности сердцемъ приступалъ ко всему, къ чему ни призывалъ его неслышимый, но понимаемый имъ тайный голосъ. Никогда однако же это святое убѣжденіе такъ могущественно въ немъ не дѣйствовало, какъ въ важнѣйшемъ событіи жизни его, совершившемся въ 1840 году. Ему исполнилось пятдесятъ шесть лѣтъ. Государю своему какъ подданный, своему отечеству какъ гражданинъ, свѣту какъ поэтъ—онъ отслу-

жилъ сорокъ лѣтъ вѣрно, честно и славно. Высокое званіе Наставника Наслѣдника престола онъ слагалъ съ себя безмятежно, съ чистою совѣстію, сопровождаемый признательностію Монарха, нѣжною любовію Августѣйшаго Питомца и справедливою благодарностію соотечественниковъ. Вообразить нельзя ничего прекраснѣе этой доли! Съ одной стороны такъ. Но войдите въ его душу, младенчески нѣжную, рожденную для тихаго семейнаго счастія, и пропустившую его въ благородныхъ порывахъ возвышеннаго труда и тревожнаго вдохновенія. Будущее не представляло ли воображенію его мертваго одиночества, пріюта молчаливаго, и безотвѣтныхъ занятій безъ цѣли, безъ раздѣленія, безъ радостей? Онъ стоялъ на рубежѣ: возвратъ къ пройденному невозможенъ; впереди темная неизвѣстность. И что же? Послѣдующія событія жизни его доказали, что кажущіяся намъ уклоненія отъ желаемаго его душею жребія были необходимыми средствами къ достиженію его. Необ-

ходимо было, чтобы онъ ни одного мгновенія не утратилъ для другихъ обязанностей, посвятивши всего себя единственной, важнѣйшей. Необходимо было, чтобы чистая поэзія сохранила въ немъ всю юность и весь жаръ сердца. Все это необходимо было, чтобы, увѣнчанный двойнымъ вѣнкомъ лучшихъ заслугъ, явился онъ достойнымъ всего энтузіазма возвышенной души. Такимъ-то путемъ наконецъ онъ приведенъ былъ къ тому счастію, для котораго былъ созданъ.

Императорскій Дворъ, въ маѣ 1840 года, погруженный въ глубокую скорбь кончиною добродѣтельнѣйшаго изъ Государей, Фридриха Вильгельма III, Короля Прусскаго, находился въ Берлинѣ. Жуковскій при каждой поѣздкѣ за границу обыкновенно посѣщалъ друга своего Рейтерна, который въ это время съ семействомъ своимъ жилъ въ Дюссельдорфѣ. Старшая дочь его, Елизавета, соединяла въ себѣ все, что можетъ воспламенить сердце и увлечь воображеніе поэта. Умъ ея, характеръ, образованность и

красота, въ лучшемъ значеніи классическая, не остались конечно безъ вниманія у Поэта нашего, хотя привычка къ дѣтямъ, которыя ростутъ на нашихъ глазахъ, часто заставляетъ насъ считать ихъ всю жизнь не выходящими изъ дѣтства. Дочери Рейтерна исполнилось 19 лѣтъ. Ея отецъ, по чувству дружбы, никогда не произносилъ иначе имени Жуковскаго, какъ съ энтузіазмомъ. Пріѣзды Поэта составляли эпохи радостей для всего семейства. Не говоря о славѣ, которую въ Германіи пріобрѣло его имя, и которую такъ лестно соединять съ особой нашего круга, самая наружность Жуковскаго казалась привлекательною при выразительности всей его физіономіи, при оживленности разговоровъ его, при этомъ талантѣ и умѣ, разрѣшающемъ труднѣйшіе вопросы и явно предпочитающемъ наружному блеску мирное счастіе и семейныя наслажденія. Однимъ словомъ: Провидѣніе здѣсь указало разрѣшиться судьбѣ Поэта и другаго существа, избраннаго ему въ товарищи на оста-

токъ его жизни. Жуковскій собственными словами яснѣе представитъ это происшествіе. 28 августа, 1840 года, изъ Дюссельдорфа, онъ писалъ къ А. П. Зонтагъ: «Благословите вашего стараго товарища съ колыбели «вашей. Счастіе жизни наконецъ съ нимъ «встрѣтилось, хотя поздно, но такое, какого «онъ желалъ, о какомъ мечталъ такъ часто, «и о которомъ пересталъ уже мечтать. Это «счастье нашло его само. Онъ видѣлъ его «мимоходомъ, плѣнялся имъ мимоходомъ, и «не позволялъ себѣ ни искать его, ни же«лать его! А милостивый Богъ далъ ему это «счастіе безъ его исканія. Помолитесь же, «чтобы Онъ благоволилъ и сохранить ему. «За годъ передъ этимъ мы были вмѣстѣ въ «Москвѣ. Мнѣ между вами было такъ пріят«но, такъ дома! Теперь я на-чужѣ; но мнѣ «и теперь такъ же пріятно, какъ было тог«да, съ тою только разницею, что вся моя «*личная* жизнь помолодѣла, и въ душу мою «влилось никогда неиспытанное чувство *двой«ной* жизни, которая всему на свѣтѣ даетъ

«настоящее значеніе и достоинство. Я те-
«перь въ Дюссельдорфѣ, подлѣ моей невѣ-
«сты. Die Seele ist gestickt. Это слово (кото-
«рое нельзя ни на Русской, ни на Француз-
«ской перевести) довольно вѣрно выражаетъ
«мое теперешнее положеніе. Кто моя невѣ-
«ста? какъ все это сбылось со мною? узнае-
«те изъ приложеннаго длиннаго Письма *,
«написаннаго въ Муратово. Я знаю, какой
«на него отголосокъ будетъ отвѣчать мнѣ
«изъ вашего сердца, мой милый, вѣрный
«другъ! Можетъ быть, со временемъ Богъ
«сведетъ насъ всѣхъ опять вмѣстѣ. Объ од-
«номъ прошу Его съ надеждою, со страхомъ
«и покорностію, чтобы Онъ сохранилъ мнѣ
«жизнь: она мнѣ стала мила неизъяснимо.
«Я вѣрю своему счастію. Оно такъ просто и

* Если достойная рука примется когда нибудь за составленіе полной біографіи Жуковскаго, чего нельзя не желать для чести Россіи, а тѣмъ болѣе для общаго назиданія; то упоминаемое «Письмо» составитъ въ книгѣ лучшую ея часть: оно содержитъ занимательнѣйшій расказъ Поэта о пріятнѣйшихъ для него десяти годахъ его жизни.

«чисто — и то, что имѣю своею цѣлью, такъ «смиренно! Но признаться, часто изъ этого «яснаго, мирнаго свѣта, который меня те«перь окружаетъ, выглядываетъ строгое ли«це смерти, и невольно грусть обвивается «вокругъ сердца. «Liebe ist stark wie der «Tod» написалъ мнѣ другъ на Евангеліи передъ моимъ отъѣздомъ въ Дюссельдорфъ. «Какъ эти слова Liebe и Tod близки одно «къ другому! На землѣ нѣтъ счастія безъ «*любви*, но его нѣтъ также и безъ *смерти*. «И та и другая необходимы для того, что«бы оно *было*. Одной душа говоритъ: *не по«кидай меня!* Другой душа говоритъ: *не уно«си меня!* Одна даетъ счастію его *прелесть*; «другая даетъ ему его *достоинство*. Но «мысль, что всему на землѣ долженъ быть «конецъ, приводитъ въ трепетъ. Есть одна«ко противъ всѣхъ этихъ тревогъ лекарство — «и самое простое. Оно заключается въ Мо«литвѣ Господней. Кто можетъ читать *От«че нашъ* такъ, какъ оно дано намъ свыше, «тому на землѣ ничто не страшно, и все

«доброе вѣрно». Можетъ быть, люди осуждали Поэта; но онъ повиновался голосу, который слышался ему свыше. За свою покорность онъ получилъ награду, ни съ чѣмъ на землѣ несравнимую: одиннадцать лѣтъ онъ былъ счастливѣйшимъ семьяниномъ, и передъ кончиною благословилъ дочь и сына на подвиги добра и Христіанскаго благомыслія.

XXIII.

Счастіе, улыбавшееся Жуковскому во взорахъ милой его невѣсты, повѣяло на душу его тою поэзіею, которая, для всѣхъ вѣковъ, для всѣхъ народовъ, олицетворила идеалъ супруги въ образѣ Дамаянти. Онъ съ невыразимымъ наслажденіемъ принялся за Рюккерта, чтобы съ его помощію угадать подлинникъ и подобрать изъ Русскаго языка равносильныя выраженія для той дѣвственной, первообразной красоты, которою полна Индѣйская Повѣсть «О Налѣ и Дамаянти». Наше пріобрѣтеніе съ появленія

этой поэмы — во всемъ смыслѣ истинное сокровище. Это — открытіе новаго міра съ новыми богатствами всѣхъ царствъ природы. Поэтъ вводитъ насъ въ страну Солнца и чудесъ, гдѣ люди, звѣри, растенія, горы, рѣки и все видимое какъ бы утаены были отъ общихъ испытаній творенія и живутъ подъ законами одной всемощной фантазіи. Надобно было созидать все новое для повѣствованія о новообрѣтенномъ краѣ. Тутъ явился Жуковскій истиннымъ образователемъ языка, раздвинувъ область его во всѣ стороны. Онъ посвятилъ этому труду пріятнѣйшихъ для сердца своего три года. Кто съ полнымъ вниманіемъ вникнулъ въ глубокій смыслъ стиховъ его «Посвященія»; тотъ конечно понялъ значеніе важнѣйшихъ эпохъ исторической жизни его, которой нить такъ поэтически онъ привязалъ къ любимому труду своему.

До совершенія свадьбы, Жуковскій изъ Дюссельдорфа отправился въ Петербургъ. Сколько радости друзьямъ его доставило

свѣтлое его счастіе! Но вѣрное далекому прошлому сердце Поэта влекло его въ родную Москву, гдѣ условились собраться тамошніе его близкіе. Въ январѣ 1841 года онъ уже былъ между ними. Это соединеніе представляло одну изъ тѣхъ картинъ жизни, которыя никогда не забываются. Много протекло лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Жуковскій видѣлъ вокругъ себя лица, столь ему милыя. Но сколько у него судьба навѣкъ отняла изъ нихъ, товарищей молодости его! Тогдашнее его посѣщеніе Москвы было для него последнее въ жизни. Онъ не предчувствовалъ, что дальнѣйшій путь ни разу не приведетъ его опять сюда, въ объятія дружбы и нѣжной привязанности.

По возвращеніи въ Петербургъ, онъ занялся приготовленіями къ отъѣзду за границу, гдѣ ожидала его невѣста и тихая семейная жизнь, еще имъ неиспытанная, и тѣмъ болѣе желаемая. Здѣсь ничто уже не могло удержать его. Онъ видѣлъ совершеніе всего, что должно было увѣнчать послѣднія

желанія души его на прощаніи съ покидаемой прежней жизнію и прежними ея заботами. Жуковскій имѣлъ счастіе присутствовать при бракосочетаніи Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государя Наслѣдника и сердцемъ Его избранной Августѣйшей Невѣсты. Милости Царскія къ Наставнику Порфиророднаго Первенца превзошли ожиданія всѣхъ. Государь Императоръ соизволилъ, чтобы Жуковскому до смерти предоставлено было все, чѣмъ онъ пользовался по должности Наставника. Ему позволено жить тамъ, гдѣ онъ найдетъ для себя удобнѣе и пріятнѣе. Особенная сумма назначена была на первое обзаведеніе хозяйства его. Онъ былъ произведенъ въ Тайные Совѣтники. Но самою неоцѣненною для себя наградою почиталъ Жуковскій Высочайшее повелѣніе, чтобы онъ и въ отсутствіе свое всегда считался состоящимъ на службѣ при Его Императорскомъ Высочествѣ Государѣ Цесаревичѣ. По собственному выраженію Жуковскаго,

Государь устроилъ его будущее какъ добрый, заботливый отецъ.

Еще въ послѣдніе годы дѣйствительной службы онъ былъ Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ орденовъ: Св. Станислава и Св. Анны первой степени и Св. Владиміра второй степени. Къ этимъ лестнымъ знакамъ Высочайшаго благоволенія Государя Императора за ревностное исполненіе должности, скоро, во время путешествія Жуковскаго за границею въ свитѣ Государя Наслѣдника, присоединены были знаки отличія со стороны иностранныхъ Государей, желавшихъ выразить свое уваженіе къ Наставнику Его Императорскаго Высочества. Онъ былъ украшенъ орденами первой степени: въ Швеціи Шведской Полярной Звѣзды, въ Даніи Данеброхта, въ Ганноверѣ Гвельфовъ, въ Австріи Желѣзной Короны, въ Виртембергѣ Фридриха, въ Баденѣ Циренгенскаго Льва, въ Саксоніи Саксонскимъ за заслуги. Въ Веймарѣ онъ получилъ орденъ Бѣлаго Сокола, а въ Нидер-

ландахъ Нидерландскаго Льва второй степени. Отъ покойнаго Короля Прусскаго Фридриха Вильгельма III Жуковскому, еще въ 1829 году, пожалованъ былъ орденъ Краснаго Орла второй степени, а въ 1838 ему прислана звѣзда того же ордена, вмѣсто которой нынѣ царствующій Король Прусскій, при вступленіи своемъ на престолъ, изволилъ пожаловать ему бриліантовую звѣзду, а въ 1842 году орденъ pour le mérite, за мирныя заслуги.

Отъѣздъ Жуковскаго изъ Петербурга въ Дюссельдорфъ былъ назначенъ. 21 апрѣля 1841 года онъ писалъ: «Я ѣду черезъ де-«сять дней, то есть, 30-го апрѣля, или 1-го «мая. Надѣюсь, что 21 мая въ Штутгартѣ «будетъ моя свадьба. Въ этотъ день вспом-«ните обо мнѣ. Число это уже вырѣзано на «обручальныхъ кольцахъ, которыя прислала «мнѣ сестра, и для которыхъ всѣ мои сло-«жились».

XXIV.

Новая жизнь началась въ полномъ смы-

слѣ поэтически. Въ Дюссельдорфѣ, почти за городомъ, въ виду Рейна, наняты были два домика, раздѣленные садомъ. Въ одномъ жилъ Рейтернъ съ своею семьей. Онъ во всемъ значеніи слова художникъ. Живопись — жизнь его. Въ другомъ поселился Жуковскій съ женою, съ поэзіею своею и всѣми радостями счастливѣйшей жизни. Каждое существо этой поэтической колоніи всей душею привязано было къ исполненію долга, возлагаемаго на насъ религіею, обществомъ, семействомъ и призваніемъ. Къ обѣду и вечеромъ сходились всѣ вмѣстѣ. Тихая веселость, покойная совѣсть и свѣтлый умъ чудно животворили маленькое ихъ общество. 16 (28) февраля, 1843 года, Жуковскій самъ нарисовалъ картину новаго своего счастія:

«Я увидѣлъ
Себя на берегу рѣки широкой;
Садилось солнце; тихо по водамъ
Суда сіяя плыли, и за ними
Серебряный тянулся слѣдъ; вблизи
Въ кустахъ свѣтился домикъ; на порогѣ

Его дверей хозяйка молодая,
Съ младенцемъ спящимъ на рукахъ, стояла....
И то была моя жена съ моею
Малюткой дочерью.............

«И нынѣ тихо безъ волненья льется
Потокъ моей уединенной жизни.
Смотря въ лице подруги, данной Богомъ
На освященье сердца моего,
Смотря, какъ спитъ сномъ ангела на лонѣ
У матери младенецъ мой прекрасный,
Я чувствую глубоко тотъ покой,
Котораго такъ жадно здѣсь мы ищемъ,
Не находя нигдѣ; и слышу голосъ,
Земныя всѣ смиряющій тревоги:
Да не смущается твоя душа,
Онъ говоритъ мнѣ, *вѣруй въ Бога, вѣруй*
Въ меня».

Высочайшую прелесть этихъ стиховъ составляютъ не самые стихи и даже не мысли, въ нихъ изложенныя, потому что у многихъ поэтовъ можно найти стихи еще лучше, а отличныя мысли вызываетъ плодовитый умъ иногда изъ души очень холодной. Нѣтъ: высочайшая прелесть этихъ стиховъ состоитъ въ истинѣ ощущеній Поэта. Онъ со всевозможнымъ спокойствіемъ сердца, вкушающаго тихія семейныя радости, высказы-

вается безыскуственно, вѣрно, съ простотою младенца и съ благоговѣніемъ мудреца. Точно такъ, еще нѣсколько прежде, писалъ онъ о своемъ новомъ счастіи къ другу дѣтства своего и своей старости, Александру Ивановичу Тургеневу, который, прочитавъ его письмо, невольно воскликнулъ; «Какое письмо! Душа Жуковскаго тихо изливается въ «упоеніи и въ сознаніи своего блаженства. «Читая его, я понялъ по крайней мѣрѣ половину моей любимой фразы: *Le bonheur est «dans la vertu qui aime.... et dans la science qui «éclaire»*.

Жуковскій, устроивъ такимъ образомъ тотъ желанный покой, о которомъ говоритъ въ приведенныхъ стихахъ, покой души и жизни, не ослабилъ своей умственной и поэтической дѣятельности, а возвелъ ее на новую степень совершенства. Мысль достигла въ немъ той зрѣлости, какую сообщаютъ ей только долговременная и постоянная созерцательность, руководимое опытами изученіе Природы и человѣка, а болѣе всего полное

принятіе въ сердце Христіанскихъ истинъ и Откровенія. Языкъ нашего Поэта явился окончательно крѣпкимъ, яснымъ, точнымъ и освобожденнымъ отъ всѣхъ искуственныхъ украшеній. Вкусъ его, сроднившійся съ Древними, особенно съ Гомеромъ, указывалъ ему на труды высокіе и поучительные, на труды плодотворные для Искуства и человѣчества. Пріобрѣтеніе совершенствъ, столь важныхъ для великаго таланта, не привело бы Жуковскаго къ этому обилію послѣдствій, которыми ознаменовалась его дѣятельность въ послѣднія одиннадцать лѣтъ, къ неимовѣрному обогащенію Русской литературы истинными сокровищами, если бы онъ не пріютилъ себя и своей семьи въ прекрасномирномъ уголку маленькаго городка, освободившаго его отъ неизбѣжныхъ развлеченій каждой столицы.

О перемѣнѣ въ поэтическомъ настроеніи своемъ Жуковскій въ 1843 году сообщилъ Редактору «Современника» въ письмѣ, придавши этому извѣстію шуточный тонъ, ко-

торый въ частныхъ письмахъ его остался неизмѣннымъ до послѣдняго дня его жизни. «Другая перемѣна или новость (писалъ онъ) «въ моей жизни есть то, что я подъ-старость «принялся за болтовню и сказки, и присосѣ-«дился къ древнему расказщику — Гомеру, «и началъ въ-слѣдъ за нимъ, на его ладъ, «расказывать своимъ соотечественникамъ «Одиссею. Будутъ ли они охотно слушать «наши расказы — не знаю; но мнѣ весело «лепетать по-Русски за простодушнымъ Гре-«комъ, подлаживаться подъ его свѣтлую, па-«тріархальную простоту, и — видя въ этомъ «чисто-поэтическомъ потокѣ чистое отраже-«ніе первобытной Природы — забывать тѣ «уродливыя гримасы, которыми искажаютъ «ея лице современные самозванцы-поэты. «Шепну вамъ (но такъ, чтобы вы сами того «не слыхали), что я совсѣмъ раззнакомился «съ риѳмою. Знаю, что это вамъ будетъ не-«пріятно; изъ нѣкоторыхъ замѣчаній ва-«шихъ на Милькѣева вижу, что вы любите «гармоническія формы и звучность риѳмы —

«и я ихъ люблю: но формы, безъ всякаго «украшенія, болѣе совмѣстныя съ простотою, «мнѣ болѣе по-сердцу. Мой Гомеръ (какъ «оно и быть должно) будетъ въ гекзаметрахъ: «другая форма для «Одиссеи» неприлична. «Но я еще написалъ двѣ Повѣсти, ямбами «безъ риѳмъ, въ которыхъ съ размѣромъ сти-«ховъ старался согласить всю простоту про-«зы, такъ, чтобы вольность непринужденна-«го расказа нисколько не стѣснялась необхо-«димостію улаживать слова въ стопы. Посы-«лаю вамъ одну изъ этихъ статей (Маттео «Фальконе) для помѣщенія въ Современ-«никѣ. Желаю, чтобы попытка прозы въ «стихахъ не показалась вамъ прозаическими «стихами».

XXV.

Императорская Академія Наукъ въ Отчетѣ Отдѣленія Русскаго языка и словесности за 1845 годъ (Жуковскій Высочайше утвержденъ Дѣйствительнымъ Членомъ Отдѣленія съ основанія его въ 1841 году) по-

дробно изложила мысли Жуковскаго о переводѣ Гомера, о Повѣстяхъ его для юношества и о собираемыхъ имъ Сказкахъ. Такъ какъ эти свѣдѣнія заимствованы изъ писемъ Жуковскаго къ двумъ Академикамъ, изъ которыхъ одинъ издавалъ «Современникъ», а другой «Москвитянинъ»; то для полноты очерка жизни Поэта здѣсь приводятся подлинныя слова его. «Переводъ Гомера, говоритъ Жуковскій, не можетъ быть «похожъ ни на какой другой. Во всякомъ «другомъ поэтѣ-художникѣ встрѣчаешь без«престанно съ естественнымъ его вдохнове«ніемъ и работу искуства. Какая отдѣлка въ «Виргиліи! Сколько цѣлыхъ страницъ, гдѣ «всякое слово живописно, поставлено на сво«емъ мѣстѣ, и сколько отдѣльныхъ стиховъ, «поражающихъ своею особенною прелестію! «Въ Гомерѣ этого искуства нѣтъ: онъ мла«денецъ, постигнувшій все небесное и зем«ное, и лепечущій объ этомъ на груди своей «кормилицы—Природы. Это тихая, свѣтлая «рѣка безъ волнъ, чисто отражающая небо,

«берега и все, что на берегахъ живетъ и дви-«жется. Видишь одно вѣрное отраженіе, а «свѣтлый кристаллъ, отражающій, какъ буд-«то не существуетъ. Переводя Гомера, не «далеко уйдешь, если займешься фортуною «каждаго стиха отдѣльно; ибо у него нѣтъ «отдѣльныхъ стиховъ, а есть потокъ ихъ, «который надобно схватить весь во всей его «полнотѣ и свѣтлости. Надобно сберечь вся-«кое слово и всякой эпитетъ, и въ то же «время все частное забыть для цѣлаго. И въ «выборѣ словъ надобно соблюдать особен-«ную осторожность: часто самое поэтическое, «живописное, заносчивое слово потому имен-«но и негодно для Гомера. Все, имѣющее «видъ новизны, затѣйливости нашего време-«ни, все необыкновенное, здѣсь не у мѣста. «Надобно возвратиться къ языку первобыт-«ному, потерявшему уже свою свѣжесть отъ «того, что всѣ его употребляли, заимствуя «его у праотца поэзіи. Надобно этотъ изно-«шенный языкъ возстановить во всей его «первобытной свѣжести и отказаться отъ

«всѣхъ нововведеній, какими языкъ поэти-
«ческій, удаляясь отъ простоты первобыт-
«ной, по необходимости замѣнилъ эту мла-
«денческую простоту. Поэтъ нашего време-
«ни не можетъ писать языкомъ Гомера: бу-
«детъ кривлянье. Переводчикъ Гомера ниче-
«го не можетъ занять у поэтовъ нашего вре-
«мени въ пользу божественнаго старика сво-
«его и его молоденькой музы. Относительно
«поэтическаго языка, я попалъ въ область *об-
«щихъ мѣстъ*, и изъ этихъ одряхшихъ инва-
«лидовъ поэзіи, всѣми уже пренебреженныхъ,
«надлежитъ мнѣ сдѣлать живыхъ, новорож-
«денныхъ младенцевъ. Но какое очарованіе
«въ этой работѣ, въ этомъ подслушиваніи,
«раждающейся изъ пѣны морской, Анаді-
«омены, ибо она есть символъ Гомеровой
«поэзіи; въ этомъ простодушіи слова, въ этой
«первобытности нравовъ, въ этой смѣси ди-
«каго съ высокимъ, вдохновеннымъ и пре-
«лестнымъ; въ этой живописности безъ всяка-
«го излишества, въ этой незатѣйливости вы-
«раженія; въ этой болтовнѣ, часто излишней,

«по принадлежащей характеру безыскуствен-
«ному, и въ особенности въ этой меланхо-
«ліи, которая нечувствительно, безъ вѣдома
«Поэта, кипящаго и живущаго съ окружаю-
«щимъ его міромъ, все проникаетъ; ибо эта
«меланхолія не есть дѣло фантазіи, создаю-
«щей произвольно грустныя, ни на чемъ не
«основанныя сѣтованія, а заключается въ са-
«мой природѣ вещей тогдашняго міра, въ ко-
«торомъ все имѣло жизнь пластически-могу-
«чую въ настоящемъ, но и все было ничто-
«жно, ибо душа не имѣла за границей міра
«своего будущаго и улетала съ земли без-
«жизненнымъ призракомъ; и Вѣра въ безсмер-
«тіе, посреди этого кипѣнія жизни настоя-
«щей, не шептала своихъ великихъ, всеожи-
«вляющихъ утѣшеній».

«Мнѣ хочется (продолжаетъ Поэтъ) сдѣ-
«лать два изданія «Одиссеи Русской»: одно
«для всѣхъ читателей, другое для юности.
«По моему мнѣнію, нѣтъ книги, которая бы-
«ла бы приличнѣе первому, свѣжему возра-
«сту, какъ чтеніе, возбуждающее всѣ способ-

«ности души прелестію разнообразною. Толь-
«ко надобно дать въ руки молодежи не су-
«хую выписку въ прозѣ изъ Одиссеи, а са-
«мого живаго расказчика Гомера. Я думаю,
«что съ моимъ переводомъ это будетъ сдѣ-
«лать легко. Онъ простъ и доступенъ всѣмъ
«возрастамъ и можетъ быть во всякой учеб-
«ной и даже дѣтской. Надобно только сдѣ-
«лать выпуски и поправки; ихъ будетъ сдѣ-
«лать легко — и число ихъ будетъ весьма не
«велико. Къ этому очищенному Гомеру я на-
«мѣренъ придать родъ Пролога: представить
«въ одной картинѣ все, что было до начала
«странствія Одиссеева. Эта картина обхватитъ
«весь первобытный, миѳологическій и герои-
«ческій міръ Грековъ. Расказъ долженъ быть
«въ прозѣ. Но все, что непосредственно со-
«ставляетъ цѣлое съ Одиссеею, то есть, Тро-
«янская война, гнѣвъ Ахиллесовъ, судьба
«Ахилла и Пріамова дома, все должно соста-
«вить одинъ сжатый расказъ гекзаметрами,
«расказъ, сшитый изъ разныхъ отрывковъ
«Иліады, трагиковъ и Энеиды, и приведен-

«ный къ одному знаменателю. Въ этотъ ра-
«сказъ вошли бы однако нѣкоторыя Пѣсни
«Иліады, вполнѣ переведенныя. Такимъ об-
«разомъ «Одиссея для дѣтей» была бы въ
«одно время и живою Исторіею древней Гре-
«ціи, и полною картиною ея миѳологіи, и са-
«мою образовательною дѣтскою книгою».

О Повѣстяхъ для юношества Жуковскій представилъ слѣдующія свои соображенія. «Собраніе «Повѣстей для юношества (пока «еще не существующихъ, кромѣ двухъ-трехъ)» «я намѣренъ издать особо. Онѣ будутъ пи-«саны или ямбами безъ риѳмъ, или моимъ «сказочнымъ гекзаметромъ, совершенно от-«личнымъ отъ гекзаметра Гомерическаго — «и этотъ слогъ долженъ составлять средину «между стихами и прозой, то есть, не бывъ «прозаическими стихами, быть однако столь «же простымъ и яснымъ какъ проза, такъ, «чтобы расказъ, не смотря на затрудненіе «метра, лился какъ простая, непринужден-«ная рѣчь».

Для образца Русскихъ народныхъ Ска-

зокъ, Жуковскій доставилъ изъ-за границы для напечатанія одну, подъ названіемъ: «Сказка объ Иванѣ Царевичѣ и Сѣромъ Волкѣ». Въ ней удалось ему на одну нить нанизать самыя поэтическія причуды нашей народной фантазіи и оживить эти перлы единствомъ событія, завлекательнаго и характернаго. «Мнѣ хочется, прибавляетъ авторъ, собрать «нѣсколько Сказокъ, большихъ и малыхъ, «народныхъ, но не однѣхъ Русскихъ, чтобы «послѣ ихъ выдать, посвятивъ взрослымъ «дѣтямъ. Я полагаю, что Сказка для дѣтей «должна быть чисто сказкою, безъ всякой «другой цѣли, кромѣ пріятнаго, непорочнаго «занятія фантазіи. Надобно, чтобы въ дѣт«ской Сказкѣ (не для перваго, а для втораго «возраста) все было нравственно-чисто; что«бы она своими сценами представляла вооб«раженію одни свѣтлые образы, чтобы эти «образы никакого дурнаго, непраственнаго «впечатлѣнія послѣ себя не оставляли—это«го довольно. Сказка должна быть такъ же «жива и возбудительна для души, какъ дѣт-

«скія игры возбудительны для силъ тѣлес-«ныхъ. При воспитаніи, Сказка будетъ *заня-«тіемъ* чисто пріятнымъ и образовательнымъ; «и ея польза будетъ въ ея привлекательно-«сти, а не въ тѣхъ нравственныхъ правилахъ, «которыя только остаются въ памяти, рѣдко «доходятъ до сердца, и могутъ сравниться «съ фальшивыми цвѣтами, которые (если «ихъ дать преждевременно въ руки), своею «мертвою красотою, дѣлаютъ насъ не столь «чувствительными къ живой, благовонной «свѣжести цвѣтовъ естественныхъ. Не знаю «впрочемъ, отвѣчаютъ ли тѣ Сказки, кото-«рыя мною составлены, тому идеалу дѣт-«скихъ сказокъ, которыя я имѣю въ мысли. «Если не отвѣчаютъ, то онѣ все будутъ при-«влекательнымъ чтеніемъ для дѣтей взрос-«лыхъ, то есть, для народа».

XXVI.

Соединяя въ одно цѣлое мысли и предпо-ложенія Жуковскаго о переводѣ «Одиссеи» и о другихъ его занятіяхъ, встрѣчающіяся въ

разныхъ письмахъ его, болѣе и болѣе убѣждаешься, какимъ сокровищемъ явятся для потомства эти труды и эта жизнь человѣка съ высшимъ умомъ, съ неутомимою дѣятельностію и съ безкорыстною любовію къ Искуству, когда ихъ обратимъ въ образецъ для жизни и трудовъ собственныхъ! Всего изумительнѣе быстрота въ исполненіи его предпріятій, жажда къ трудамъ новымъ, неистощимость въ начертаніи плановъ, день ото дня разнообразнѣйшихъ, будто бы дни и часы, быстрѣе улетающіе въ послѣдніе годы, сильнѣе и неотступнѣе потрясали всю систему плодотворной его дѣятельности. Еще было бы все это понятнѣе, если бы Жуковскій, устроивъ бытъ свой, не зналъ наконецъ никакихъ тревогъ и думалъ только объ ученыхъ и поэтическихъ своихъ занятіяхъ. Напротивъ: на его долю, какъ и всѣмъ, много досталось тяжелыхъ испытаній. За счастіе, которымъ надѣляетъ Небо супруговъ, даруя имъ дѣтей, онъ принужденъ былъ отдать весь покой свой, тревожась о доставленіи

выздоровленія матери младенцевъ. Онъ приведенъ былъ наконецъ въ необходимость покинуть тихій Дюссельдорфъ и поселиться во Франкфуртѣ на Майнѣ, чтобы находиться ближе къ лучшимъ врачамъ. Упорство болѣзни въ такой мѣрѣ противодѣйствовало всѣмъ пособіямъ Науки и нѣжнѣйшимъ супружескимъ попеченіямъ, что болѣе половины послѣднихъ годовъ Жуковскаго отдано было опасеніямъ, изыскапіямъ новыхъ средствъ и мучительному чувству безотвязной скорби. Къ этимъ домашнимъ, внутреннимъ тревогамъ, въ послѣдствіи времени, присоединились внѣшнія отъ политическихъ событій. Невозможнымъ оказалось пребываніе и во Франкфуртѣ, гдѣ безначаліе и буйство утвердили свое средоточіе. Послѣ трудныхъ переѣздовъ, томительныхъ для тихаго семейства, Жуковскій утвердился въ Баденъ-Баденѣ. Посреди столькихъ смущеній, отъ которыхъ страдалъ онъ душевно и тѣлесно, еще лежала на его сердцѣ тоска по отчизнѣ. Каждый годъ въ мысляхъ приготов-

лялъ онъ себѣ радость свиданія съ друзьями и родиной; но недуги больной требовали отсрочки и пребыванія въ климатѣ болѣе умѣренномъ. Эта борьба желаній съ противодѣйствіемъ неотвратимыхъ обстоятельствъ давно могла въ слабомъ характерѣ и въ душѣ, готовой къ унынію, истребить самое помышленіе объ умственныхъ и поэтическихъ трудахъ, обыкновенно сопровождаемыхъ только внутреннимъ миромъ и ясностію мысли. Но чѣмъ сильнѣе тяготѣло надъ нимъ бремя испытаній, тѣмъ выше возносили душу его упованіе на Господа и преданность въ Его волю.

Въ 1847 году Жуковскій приготовилъ къ изданію два тома своихъ стихотвореній, назвавъ ихъ въ печати «Новыми». Кромѣ Повѣстей и Сказокъ, тутъ явилась поэма: Рустемъ и Зорабъ» и первая половина «Одиссеи». Рюккертъ во второй разъ увлекъ его на Востокъ. Но Нѣмецкій переводчикъ былъ для него не болѣе, какъ путеуказатель. Жуковскій, живо сочувствуя высокимъ красо-

тамъ Персидской поэмы, сохранилъ въ трудѣ своемъ ту удивительную простоту, тѣ глубоко-важныя черты, тотъ металлическій стихъ и ту раздирающую сердце силу характеровъ, которые такъ поражаютъ насъ въ первобытной поэзіи.

Едва успѣлъ онъ въ концѣ 1848 года расположиться на постоянное жительство въ Баденъ-Баденѣ, немедленно приступилъ ко второй половинѣ «Одиссеи». Тогда же развернулось передъ нимъ множество другихъ плановъ. Невозможно безъ удивленія читать тогдашнихъ писемъ его *: какой-то внутренній двигатель колеблетъ его воображеніе и неодолимо влечетъ его въ безграничную даль на новые подвиги. «Если буду здо-«ровъ (писалъ онъ 20 декабря, стар. ст., «1848) и чего не случится въ моей семьѣ, «я кончу Одиссею. Работа снова пошла жи-«во. Она началась въ ноябрѣ, когда я совсѣмъ

* Необходимымъ нахожу привести здѣсь нѣкоторые отрывки изъ его ко мнѣ писемъ, писанныхъ изъ Баденъ-Бадена въ ту эпоху.

«устроился въ Баденѣ — и къ половинѣ декабря я уже перевелъ четыре Пѣсни (одна «изъ нихъ почти отпечатана). Если такъ пойдетъ, то въ началѣ марта все можетъ быть «кончено. Помолите Бога за меня и за моихъ. «По окончаніи Одиссеи примусь за прозу. «Это будетъ совсѣмъ новое для меня поприще съ особою цѣлію. Если Богъ дастъ нѣсколько лѣтъ жизни, то могу ими добрымъ «образомъ воспользоваться. Съ Поэзіею пора проститься. Мы разстанемся однако безъ «ссоры. Напослѣдяхъ она мнѣ послужила «вѣрою и правдою. Мнѣ кажется, что моя «Одиссея есть лучшее мое созданіе: ее оставляю на память обо мнѣ отечеству. Я Русскій паукъ, прицѣпился къ хвосту орла-«Гомера, взлетѣлъ съ нимъ на его высокій утесъ — и тамъ въ недоступной трещинѣ browsercontext соткалъ для себя пріютную паутину. «Могу похвастать, что этотъ совѣстливый, «долговременный и тяжелый трудъ совершенъ былъ съ полнымъ самоотверженіемъ, «чисто для одной прелести труда. Не съ кѣмъ

«было подѣлиться своимъ поэтическимъ празд-«никомъ. Одинъ былъ у меня нѣмой свидѣ-«тель — гипсовый бюстъ Гомеровъ, величе-«ственно смотрѣвшій на меня съ печи моего «кабинета. Было однако для меня и раздолье, «когда со мною жилъ Гоголь: онъ подливалъ «въ мой огонекъ свое свѣжее масло; и еще— «когда я пожилъ въ Эмсѣ съ Хомяковымъ и «съ моимъ милымъ Тютчевымъ: тутъ я самъ «полакомился вмѣстѣ съ ними своимъ стря-«паньемъ».

«Будущія прозаическія занятія (продол-«жаетъ въ этомъ же письмѣ Жуковскій) «мнѣ улыбаются. Уже у меня готово на «цѣлый толстый томъ. Матеріаловъ дово-«льно для будущаго — и есть великій за-«мыселъ, о которомъ поговоримъ, когда «Богъ велитъ свидѣться. И еще для одно-«го поэтическаго созданія есть планъ *.

* Это относится къ послѣдней Поэмѣ его «Странствующій Жидъ». Онъ не успѣлъ кончить лучшаго труда своего. Нельзя не замѣтить здѣсь, что поэзія составляла необходимое условіе, или точнѣе сказать, дыханіе жизни

«Оно было бы достойнымъ заключеніемъ «моей поэтической дѣятельности. Но не знаю, «слажу ли съ предпріятіемъ мысленнымъ. «Приходило въ голову, и неразъ, искушеніе «приняться за Иліаду, дабы оставить по се-«бѣ полнаго собственнаго Гомера. Мысль «была та, чтобы перевести все по теперешней «методѣ съ подстрочнаго Нѣмецкаго перево-«да, и потомъ взять бы изъ перевода Гнѣди-«чева всѣ стихи, имъ лучше меня переведен-«ные (въ чемъ, разумѣется, признаться пуб-«ликѣ). Такимъ образомъ два труда слились «бы въ одинъ—но не по лѣтамъ моимъ при-«ниматься за такой долговременный трудъ, «который овладѣлъ бы всею душею, и от-«влекъ бы ее отъ важнѣйшаго—отъ сборовъ «въ другую дорогу. Я даже и началъ-было «Прологъ къ Одиссеѣ — сводную повѣсть о «войнѣ Троянской. Стиховъ 200 гекзаметра-«ми написано. Въ эту повѣсть вошло бы все

Жуковскаго. Въ началѣ этого письма онъ прощается съ нею—и въ то же время готовится писать новую Поэму.

«лучшее, относящееся къ войнѣ Троянской «и къ разнымъ ея героямъ — все, заключаю-«щееся въ Иліадѣ, въ Энеидѣ и въ траги-«кахъ; но отъ этого труда я отказался. Со «временемъ напишу этотъ Прологъ въ про-«зѣ къ новому изданію Одиссеи».

XXVII.

11 октября, стар. ст., 1849 года (кончивъ уже печатаніе второй части Одиссеи и от-правивъ ее сюда), Жуковскій писалъ о ней: «Вы конечно сѣтуете на меня за мое долгое «молчаніе; и я за него на себя сѣтую, тѣмъ «болѣе, что все собирался написать къ вамъ: «все хотѣлось поговорить съ вами о моей «Одиссеѣ. Скажите мнѣ слова два о второй «части. Я переводилъ ее con amore, и рабо-«та шла неимовѣрно быстро: менѣе, нежели «во 100 дней, переведены были и даже от-«печатаны всѣ двѣнадцатъ Пѣсней. Поправ-«ка шла рядомъ съ переводомъ: я поправлялъ «въ корректурѣ, что гораздо лучше и вѣрнѣе, «нежели въ манускриптѣ, и почти всегда

«имѣлъ шесть корректуръ каждаго листа «(это было возможно по причинѣ близости «Бадена, гдѣ я жилъ, отъ Карлсру, гдѣ про«изводилось печатаніе). И какъ будто свыше «было опредѣлено, чтобы тишина въ Баде«нѣ продолжалась до окончанія труда моего. «Послѣдній листъ былъ отпечатанъ и нѣ«сколько корректуръ его было уже отправ«лено въ Карлсру, какъ вдругъ вспыхнулъ «мятежъ, который принудилъ меня немед«ленно переѣхать съ семьею въ Страсбургъ. «Туда явился и Рейфъ изъ Карлсру. Онъ «также бѣжалъ отъ мятежа, но не забылъ «мнѣ привесть послѣднюю корректуру, кото«рая и подписана была въ Страсбургѣ. Не «смотря на бунтъ, всѣ экземпляры были не«медленно отправлены по Рейну въ Мангеймъ, «изъ Мангейма въ Кёльнъ, а изъ Кёльна по «желѣзной дорогѣ въ Штетинъ — и я уже «давно имѣю извѣстіе отъ Шлёцера, что все «благополучно отправлено въ Петербургъ. «Но изъ Петербурга нѣтъ никакихъ вѣстей. «И я прошу васъ убѣдительно дать мнѣ ка-

«кое нибудь извѣстіе. Мое бѣгство въ Страс-
«бургъ не позволило мнѣ сдѣлать эрраты.
«Нѣкоторыя мѣста мною поправлены въ са-
«момъ текстѣ. Нѣкоторыя опечатки надле-
«жало бы непремѣнно замѣтить: по напеча-
«танію всего этого положила препятствія во-
«оруженная Баденская вольница. И если
«этотъ бунтъ принудилъ мою жену бросить
«начатое ею леченіе, которое взяло-было
«хорошій ходъ, то онъ же принудилъ насъ
«повидаться съ Альпами — и мы спокойно
«прожили посреди ихъ великолѣпія въ ти-
«хомъ пріютѣ Интерлаксена, въ виду чуд-
«ной Снѣжной-дѣвы, между двухъ прекрас-
«ныхъ озеръ, Бріэнцкаго и Тунскаго. Наше
«пребываніе въ Швейцаріи продолжалось
«отъ 14 мая до 26 іюля. Горный воздухъ
«былъ полезенъ женѣ — и она могла, по воз-
«вращеніи въ Баденъ, снова начать прерван-
«ный курсъ леченія. Но уже ей нельзя было
«и думать о поѣздкѣ въ Россію съ наступле-
«ніемъ осени, тѣмъ болѣе, что одна часть
«леченія кончилась, другая должна теперь

«необходимо начаться и будетъ продолжать-
«ся до зимы. Необходимость этого леченія
«заставила меня съѣздить въ Варшаву, дабы
«изложить предъ Государемъ Императоромъ
«мои жалкія обстоятельства. Его Величество
«удостоилъ принять меня несказанно мило-
«стиво и позволилъ мнѣ остаться за грани-
«цею столько времени, сколько потребуютъ
«обстоятельства. Теперь я опять на неопре-
«дѣленное время долженъ отложить свида-
«ніе съ отечествомъ и съ вами, добрые мои
«друзья! Велитъ ли Богъ мнѣ васъ увидѣть?
«Думалъ ли я, покидая Россію для своей
«женитьбы, что не прежде возвращусь въ
«нее, какъ черезъ десять лѣтъ? И дозволитъ
«ли Богъ возвратиться? Моя заграничная
«жизнь совсѣмъ не веселая, не веселая уже
«и потому, что непроизвольная; причина,
«здѣсь меня удерживающая, самая печаль-
«ная — она портитъ всю жизнь, отымаетъ
«настоящее, пугаетъ за будущее: болѣзнь
«жены (а нервическая болѣзнь самая бѣд-
«ственная изъ всѣхъ возможныхъ болѣзней),

«болѣзнь матери семейства и хозяйки дома «уничтожаетъ въ корнѣ семейное счастіе. «Да и самъ я не въ порядкѣ: Швейцарскій «воздухъ мнѣ былъ не въ прокъ; тамъ нача-«ли немного шалить и мои нервы; пропалъ «мой всегдашній, вѣрный товарищъ — сонъ, «и сдѣлалось у меня что-то похожее на оды-«шку. Поѣздка въ Варшаву меня поправила: «сонъ возвратился; одышка не такъ сильна. «Но есть какой-то безпорядокъ въ кровооб-«ращеніи, отъ чего біеніе сердца, и нервы «продолжаютъ пошаливать. Докторъ изъяс-«няетъ все это гемороемъ, и утверждаетъ, «что скоро все придетъ въ порядокъ. Я и «самъ не нахожу въ себѣ рѣшительной бо-«лѣзни. Теперь передо мною цѣлая зима. На-«дѣюсь, что она здѣсь въ Баденѣ, подъ по-«кровомъ Прусской арміи, пройдетъ спокой-«но, хотя мы все живемъ здѣсь на волкани-«ческомъ грунтѣ. Прошлая зима была для «меня благопріятна: она была поэтически-«благотворна. Что произведетъ нынѣшняя? «не вѣдаю, и еще ни на какую работу не рѣ-

«шился, хотя передъ глазами и много пла-
«новъ. Съ поэзіей пора проститься. Надобно
«приниматься за прозу. У меня довольно на-
«писано философскихъ отрывковъ: они мо-
«гутъ составить толстый томъ—и еще мно-
«гое хочется написать. На это можетъ быть
«употреблена нынѣшняя зима, если только
«Богъ дастъ здоровья. Я сообщу вамъ послѣ
«то, что мнѣ пишетъ о моей Одиссеѣ Фарн-
«гагенъ фонъ Энзе (теперь одинъ изъ пер-
«выхъ критиковъ въ Германіи). Онъ знаетъ
«прекрасно и Греческій и Русскій языкъ.
«Если онъ мнѣ не льститъ, то могу считать
«мою работу удачною».

Со времени появленія въ печати перваго сочиненія, написаннаго Жуковскимъ еще въ дѣтствѣ, въ 1849 году исполнилось ровно пятдесятъ лѣтъ. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался Князь П. А. Вяземскій, чтобы въ Петербургѣ отпраздновать юбилей авторской жизни отсутствующаго друга. Днемъ праздпества было избрано 29-е января, день рожденія Жуковскаго. Приглашены

были въ квартиру Князя всѣ друзья Поэта, бывшіе тогда въ столицѣ. Собраніе осчастливлено было присутствіемъ Государя Великаго Князя Наслѣдника, удостоившаго принять участіе въ торжествѣ въ честь Наставника Его Императорскаго Высочества. Учредитель праздника написалъ на этотъ случай два стихотворенія. Одно было прочитано, а для другаго написана музыка — и его пропѣли. Всѣ лучшія желанія отсутствующему Поэту выражались единодушно, непритворно и съ общимъ восторгомъ, который собранію сообщилъ безпримѣрное одушевленіе. Чтобы порадовать сердце отдаленнаго друга, приготовили чистые листы, на которыхъ присутствовавшіе (дамы и мущины, попарно) собственноручно написали имена свои. Ихъ на другой же день отправили въ Баденъ-Баденъ съ описаніемъ юбилея.

Его Императорское Величество, въ изъявленіе Высочайшаго благоволенія Своего къ пятидесятилѣтнимъ трудамъ Жуковскаго, изволилъ пожаловать Поэту, въ бытность

его въ Варшавѣ, орденъ Бѣлаго Орла, при слѣдующей Грамотѣ: «Въ ознаменованіе осо-«беннаго Нашего уваженія къ трудамъ ва-«шимъ на поприщѣ отечественной литературы, «съ такою славою въ теченіи пятидесяти «лѣтъ подъемлемымъ, и въ изъявленіе ду-«шевной Нашей признательности за заслуги, «Нашему Семейству вами оказанныя, Всеми-«лостивѣйше жалуемъ васъ кавалеромъ Им-«ператорскаго и Царскаго ордена Нашего «*Бѣлаго Орла*».

XXVIII.

Послѣ поэзіи ничѣмъ съ такою любовію и съ такимъ увлеченіемъ не занимался Жуковскій за границею, какъ воспитаніемъ дѣтей своихъ. Всю цѣну и важность этого предмета онъ полагалъ въ надлежащемъ развитіи души и ея способностей. Если бы Господу угодно было продлить жизнь его, онъ посвятилъ бы всѣ остальные годы свои педагогикѣ въ высшемъ ея значеніи. Письма его наполнены расказами о тѣхъ средствахъ,

какія онъ придумывалъ для начальнаго обученія дочери, такъ какъ сынъ его, будучи моложе сестры, не могъ еще принимать участія въ урокахъ. Ничто ближе и вѣрнѣе не покажетъ намъ этого во всѣхъ отношеніяхъ несравненнаго человѣка, какъ собственные его расказы, и потому весь періодъ жизни его внѣ отечества только и можетъ быть удовлетворительно представленъ въ выпискахъ изъ сообщенныхъ имъ самимъ свѣдѣній. 15 февраля (стар. ст.) 1850 года онъ говоритъ: «Я теперь имѣю на рукахъ «большую работу. Если бы вы невидимою «тѣнью посѣтили меня въ моемъ кабинетѣ — «за чѣмъ бы вы меня застали? За азбукою и «четырьмя правилами ариѳметики: за приве«деніемъ въ порядокъ буквъ, складовъ, за «составленіемъ живописной азбуки, за облег«ченіемъ первыхъ уроковъ счета, за состав«леніемъ полнаго систематическаго курса до«машняго ученія, который систематически «долженъ обнять всѣ тѣ предметы, которые «дѣти могутъ и должны изучить дома, отъ

«самихъ родителей. Съ Новаго года я началъ «учить дочь. Занятіе сухое: Русскія буквы и «склады, писать по-Русски, считать. Но по «той методѣ, которую я себѣ составилъ, мое «милое дитя учится не только прилежно, но «и весело. Къ этимъ двумъ предметамъ при«соединены Библейскія повѣсти: мать ихъ «расказываетъ, а я потомъ ихъ повторяю. «Мы употребляемъ простой языкъ Святаго «Писанія, доступный младенцу такъ же, «какъ и мудрецу; расказываемъ одни факты «безъ всякаго нравственнаго примѣненія — «это примѣненіе придетъ само по себѣ, если «только чистая роса святыхъ фактовъ па«детъ свѣжо на воспріимчивое дѣтское серд«це. Вѣра Христіанская исходитъ изъ сми«реннаго принятія откровенныхъ фактовъ, «а не изъ умственнаго убѣжденія. Съ чте«ніемъ и счетомъ (которые не будутъ сухимъ, «механическимъ, а самодѣятельнымъ заняті«емъ) перейду къ моему систематическому «курсу. Не буду учить ни географіи, ни есте«ственной исторіи, ни математикѣ, ни грам-

«матикѣ, ни слогу — все это составитъ одну «цѣль постояннаго умственнаго развитія: «дитя будетъ не *получать*, а *брать* своею «собственною силою».

«И надъ этимъ-то курсомъ я теперь рабо«таю, что меня чрезвычайно занимаетъ. Я «уже на опытѣ надъ моею дочкою извѣдалъ, «что метода моя хороша. Правда, она умный «ребенокъ, и съ нею легко; но это *легко* съ «умнымъ ребенкомъ происходитъ также и отъ «того, что при наставленіи заставляешь дѣй«ствовать умъ и чувство, которые бы заупря«мились (и въ умномъ ребенкѣ сильнѣе, не«жели въ другомъ), если бы оставить ихъ въ «покоѣ. Павла я не допускаю еще къ заня«тію, и это тѣмъ для него полезнѣе, что «онъ ни минуты не бываетъ безъ занятія. «Надобно подслушать, что они съ утра до «вечера болтаютъ, какія вдвоемъ выдумыва«ютъ игры, и какое важное участіе прини«маютъ въ ихъ жизни ихъ куклы! Павелъ «весь я — и лицемъ, и свойствами, и харак«теромъ. Дай Богъ жизни, чтобы привести

«его къ началу прямой дороги; итти же по «ней придется ему безъ меня».

Въ этомъ же письмѣ, гдѣ излилось столько родительской нѣжности и тонкой педагогической наблюдательности, поэтъ-Жуковскій не могъ не обратиться къ новымъ подробностямъ о переводѣ второй части Одиссеи. Чѣмъ больше онъ передаетъ ихъ намъ, тѣмъ ощутительнѣе становится мѣра его таланта. «Вы называете мой переводъ «второй части Одиссеи подвигомъ исполинскимъ (прибавляетъ онъ): это особенно въ «томъ отношеніи правда, что моя работа бы«ла *постоянная* и *безъ всякаго внѣшняго под«крѣпленія.* Первыя двѣнадцать Пѣсней пе«реведены во Франкфуртѣ. Тамъ (какъ я «уже писалъ вамъ) жилъ въ моемъ домѣ «Гоголь. Я читалъ ему мой переводъ. Онъ «читалъ его мнѣ и судилъ о немъ какъ по«этъ. Потомъ я читалъ его вмѣстѣ съ Хомя«ковымъ, наконецъ съ Тютчевымъ. Все это «было истиннымъ поэтическимъ наслажде«ніемъ, не пиромъ самолюбія, а просто ла-

«комствомъ за трапезою Гомера. Ничего это-
«го я не имѣлъ, переводя вторую часть Одис-
«сеи въ Баденѣ. Никто бы лучше моей же-
«ны не оцѣнилъ труда моего и не далъ мнѣ
«совѣта—у нея и душа и чутье поэтическое:
«но я еще не выучилъ ее по-Русски, и ни
«съ кѣмъ изъ Русскихъ, мною встрѣченныхъ
«въ Баденѣ, не приходило мнѣ и въ мысли
«познакомить моего лавроноснаго старца Го-
«мера. Я былъ вполнѣ одинокъ.... У меня
«такая безпамятность, что я почти ни слова
«не помню изъ Одиссеи. Зналъ только наи-
«зустъ одну первую Пѣснь; но теперь думаю,
«что и ее не буду умѣть прочитать безъ кни-
«ги. Я могу читать мой переводъ какъ чу-
«жой. Это было со мною и во время моей
«работы. Окончивъ Пѣснь, я отсылалъ ее
«въ типографію, и когда приносили ко мнѣ
«корректуру, я читалъ ее, какъ нѣчто вовсе
«для меня новое—и это было почти такъ со
«всякою корректурою. Отъ этого и ошибки
«ярче бросались въ глаза. Вотъ и теперь, пе-
«речитавъ ваши письма и полакомившись не

«вашими похвалами, а вашею поэтическою «симпатіею, мнѣ захотѣлось развернуть вторую часть Одиссеи, и я прочиталъ Пѣсни «стрѣльбы изъ лука и убійства жениховъ, «какъ нѣчто, не только не мною писанное, «но и какъ нѣчто, никогда мною не читанное. И мнѣ стало грустно, что эта прелесть «труда для меня миновалась. Нѣтъ сомнѣнія, что, во всякомъ созданіи поэтическомъ, «самое сладостное для поэта есть самый актъ «созданія, и что *продолженіе* работы усладительнѣе самого ея *совершенія*».

XXIX.

Какъ ни бодро защищался неутомимою своею дѣятельностію нашъ Поэтъ отъ приближавшихся къ нему недуговъ старости — годъ отъ году становилось замѣтнѣе ослабленіе силъ его тѣлесныхъ. Но мощный духъ не ослабѣвалъ въ немъ до его кончины. На припадки болѣзней Жуковскій смотрѣлъ обыкновенно съ равнодушіемъ, и даже подшучивалъ надъ собою. Расказывая о какой

нибудь новой уступкѣ организма своего дѣйствію болѣзни, онъ принимаетъ видъ человѣка, счастливо приготовившагося къ удачному отпору, послѣ котораго надѣется выйти изъ бѣды. Въ іюнѣ 1850 года Жуковскій послалъ сюда собраніе новыхъ сочиненій своихъ въ прозѣ, рѣшившись прибыть съ семьею въ Россію въ концѣ осени. Между тѣмъ состояніе здоровья не позволило совершиться предположеніямъ его. «Вы заставляете (пишетъ онъ 20 октября стар. «ст. того же года) меня поститься. Съ тѣхъ «поръ, какъ я писалъ къ вамъ съ Рейфомъ «и послалъ свои манускрипты — отъ васъ «ни слова. Ужъ не сердитесь ли вы на меня «за то, что я опять обманулъ ваше ожиданіе, «и еще на зиму остался въ Баденѣ? Смягчите «свой гнѣвъ: я поступилъ весьма благоразумно, что не поѣхалъ. Женѣ это сдѣлаетъ «большое добро. Ей надобно и зимою продолжать свое леченіе. Я начинаю надѣяться, что она наконецъ отдохнетъ отъ своего многолѣтняго страданія. Хорошо вамъ

«звать меня, и судить и осуждать меня въ «отдаленіи, не зная, что со мною дѣлается. «Бываютъ несказанно тяжелыя минуты, и «бываютъ часто. Я на нихъ не ропщу: это «минуты поучительныя и образовательныя. «Но въ шестьдесятъ лѣтъ труднѣе учиться, «нежели въ молодыя лѣта, хотя и яснѣе «знаешь, что наша жизнь намъ только на то «и дана, чтобы учиться, учиться доброю во-«лею, даже безъ надежды выучиться, а толь-«ко для того, чтобы угодить Учителю, тво-«ря Его волю».

«Хорошая сторона необходимости остать-«ся здѣсь, впрочемъ для меня весьма непрі-«ятная (ибо мнѣ надоѣла кочевая жизнь на «чужѣ), есть та, что я, если Богъ позволитъ, «надѣюсь хорошо воспользоваться Баден-«скимъ уединеніемъ—и вы, опять повторяю, «погладите меня по головкѣ при нашемъ «свиданіи: привезу и стиховъ и прозы. Те-«перь моя эпистолярная дѣятельность долж-«на прекратиться. У меня работы по горло, «и мнѣ безпрестанно говоритъ тайный го-

«лосъ: спѣши! Не то, чтобы это былъ го-
«лосъ смерти; нѣтъ: но глаза слабѣютъ, и
«слухъ тупѣетъ. Что, если мнѣ назначено,
«не кончивъ начатаго, ослѣпнуть и оглох-
«нуть? И такъ надобно не терять времени,
«а между тѣмъ и приготовить себя къ этой
«томительной жизни. Не скажу, чтобы она
«меня ужасала. Весьма вѣроятно, что ея и
«не будетъ. Воля Божія. Но надобно быть
«готовымъ. Я уже выдумалъ себѣ машину
«для писанія въ случаѣ слѣпоты. Надобно
«придумать отводъ и отъ глухоты. Между
«тѣмъ постараюсь воспользоваться, сколько
«можно, собою, пока я еще цѣлъ. Для это-
«го надобно только строго экономить време-
«немъ».

Въ продолженіе этихъ лѣтъ Жуковскій успѣлъ кончить пятое (послѣднее при жизни его) изданіе полнаго собранія «Сочиненій своихъ въ стихахъ и прозѣ», напечатанное въ Карлсру, и отправилъ его въ Петербургъ, куда окончательно приготовился переѣхать и самъ съ семействомъ. Все было

уложено. Это происходило въ первой половинѣ іюля 1851 года. Но за два дня передъ тѣмъ, который онъ назначилъ для отъѣзда въ Россію, подагрическая матерія бросилась въ его глазъ. Чтобы сохранить другой, ему завязали оба глаза, и началось продолжительное леченіе. Тогда-то онъ началъ пользоваться своею машинкою, и съ этого времени писалъ свои письма не чернилами, а карандашемъ и крупными буквами, въ которыхъ почти нельзя узнать его прежняго почерка. 25 августа, стар. ст. 1851 года онъ писалъ между прочимъ: «За шесть недѣль передъ «этимъ я долженъ былъ выѣхать изъ Баде-«на—вдругъ напалъ на глазъ ревматизмъ, и «я еще по сію пору не знаю, когда выѣду. «Пишу къ вамъ съ закрытыми глазами, поль-«зуясь мною выдуманной на слѣпоту машин-«кой. Отвѣчайте мнѣ поскорѣе: письмо ва-«ше или застанетъ меня въ Баденѣ, или его «перешлютъ мнѣ въ Дрезденъ». Нетерпѣливое желаніе возвратиться въ отечество уничтожало въ мысляхъ его самую опас-

ность болѣзни, которою онъ страдалъ. Замѣтно, что онъ считалъ свой припадокъ кратковременнымъ и легкимъ. Наконецъ, 13 сентября (стар. ст.) того же года, въ письмѣ, еще собственноручномъ и по прежнему карандашемъ начертанномъ, онъ началъ говорить какъ выведенный изъ своего невѣдѣнія. «Вотъ уже болѣе осьми недѣль, какъ сижу «взаперти, въ темнотѣ, и не могу ни читать, «ни писать, ни пользоваться воздухомъ. Всѣ «прекрасные дни лѣта мною потеряны — и «наконецъ рѣшилось дѣло тѣмъ, что мнѣ объ «отъѣздѣ въ Россію теперь и думать нельзя. «Уже осень. Холодъ мнѣ вреденъ. Солнеч«наго свѣта еще не могу терпѣть; а послѣ «бѣлизна Русскаго снѣга и совсѣмъ доконала бы глазъ. Эта бѣда случилась со мною «дня за два до назначеннаго мною выѣзда. «Я вижу въ ней однако указаніе Провидѣнія. «Она особенно можетъ послужить къ добру «для моей жены, которая весьма еще далеко «отъ исцѣленія. Не смотря на это, я бы по«ѣхалъ непремѣнно. Моя болѣзнь обратила

«отъѣздъ въ совершенную невозможность.
«И жена моя уже воспользовалась моимъ за-
«творничествомъ, чтобы въ продолженіе че-
«тырехъ недѣль прекраснѣйшей погоды брать
«ванны въ текучей водѣ, чего бы ей нельзя
«было сдѣлать, если бы мы поѣхали. И зи-
«ма будетъ ей вѣроятно полезна въ отноше-
«ніи ея леченія. Для меня же перспектива
«не веселая: мои работы будутъ жестоко хро-
«мать отъ невозможности употреблять глаза;
«ибо моя болѣзнь можетъ продолжаться еще
«недѣли. Постараюсь взять противъ этого
«мѣры: я человѣкъ изобрѣтательный! Вотъ,
«напримѣръ, я давно уже приготовилъ ма-
«шинку для писанія на случай угрожающей
«мнѣ слѣпоты. Эта машинка пригодилась
«мнѣ полуслѣпому. Могу писать съ закрыты-
«ми глазами. Правда, написанное мнѣ труд-
«но самому читать. Въ этомъ мнѣ помогаетъ
«мой камердинеръ. И странное дѣло! Почти
«черезъ два дня послѣ начала моей болѣзни
«загомозилась во мнѣ поэзія, и я принялся
«за Поэму, которой первые стихи мною бы-

«ли написаны назадъ тому десять лѣтъ, ко-
«торой идея лежала съ тѣхъ поръ въ душѣ
«не развитая, и которой созданіе я отлагалъ
«до возвращенія на родину, до спокойнаго
«времени осѣдлой семейной жизни. Я пола-
«галъ, что не могу приступить къ дѣлу, не
«приготовивъ многаго чтеніемъ. Вдругъ дѣ-
«ло само собою началось: все льется извну-
«три. Обстоятельства свели около меня лю-
«дей, которые читаютъ мнѣ то, что нужно,
«и чего самъ читать не могу, именно въ то
«время, когда оно мнѣ нужно для хода впе-
«редъ. Что напишу съ закрытыми глазами,
«то мнѣ читаетъ вслухъ мой камердинеръ и
«поправляетъ по моему указанію. Въ связи
«же читать не могу безъ него. Такимъ обра-
«зомъ лѣплю поэтическую мозаику, и самъ
«еще не знаю, каково то, что до сихъ поръ
«слѣплено ощупью — кажется однако, живо
«и тепло. Содержанія не стану расказывать:
«дай Богъ кончить! Думаю, что уже около
«половины (до 800 стиховъ) кончено. Если
«*напишется такъ*, какъ *думается*, то это бу-

«детъ моя лучшая лебединая пѣснь *. По-
«томъ, если Богъ позволитъ кончить ее, при-
«мусь за другое дѣло — за Иліаду. У меня
«уже есть точно такой Нѣмецкій переводъ,
«съ какого я перевелъ Одиссею: и я уже и
«изъ Иліады перевелъ двѣ Пѣсни. Но во
«всю прошедшую зиму и весну я не прини-
«мался за эту работу: я былъ занятъ состав-
«леніемъ моего педагогическаго курса — ко-
«торый, въ своемъ родѣ, будетъ замѣчатель-
«ное созданіе — и наработалъ пропасть; но
«все еще только одно начало. Нынѣшнею
«зимою этой работой заняться не могу: гла-
«за не позволятъ. Надобно много читать, и
«особенно много рисовать, что для больныхъ
«глазъ убійственно. Для Иліады же найду
«Нѣмецкаго лектора. Онъ будетъ мнѣ чи-

* Въ Журналѣ Министерства Народ. Просвѣщ., 1852 года, № 1, въ Литературныхъ Прибавленіяхъ напечатанъ подробный расказъ Священника Іоанна Базарова о «Послѣднихъ дняхъ жизни Жуковскаго». Тамъ есть изложеніе и неоконченной Поэмы, о которой говоритъ здѣсь Поэтъ. Я уже упоминалъ выше, что она называется «Странствующій Жидъ».

«тать стихъ за стихомъ. Я буду переводить «и писать съ закрытыми глазами, а мой ка«мердинеръ будетъ мнѣ читать переводъ, по«правлять его и переписывать. И дѣло пой«детъ какъ по маслу*!

* Представляетъ ли Исторія другое лице, въ которомъ бы, при столь грустныхъ обстоятельствахъ, сохранилось столько душевной тишины, непоколебимой вѣры въ благость Провидѣнія, сосредоточенности и распорядительности въ умѣ, ровной и безпрерывной дѣятельности, поэтической теплоты и трогательной сердечной веселости? Приведенное «Письмо», одно, останется памятникомъ, котораго прочнѣе и краснорѣчивѣе едва ли что придумать можно для безсмертія Поэта. Слѣдующая приписка къ нему вполнѣ довершаетъ характеристику Жуковскаго. Я старался каждое 1-е и 15-е число мѣсяца сообщать ему что нибудь изъ того, о чемъ любилъ онъ узнавать. Теперь онъ прибавляетъ: «Прошу васъ не сложить съ себя «*ветхаго* человѣка, а напротивъ возвратиться къ ветхому «человѣку, то есть, къ тому, который во время оно обѣ«щалъ писать ко мнѣ два раза въ мѣсяцъ, и нѣсколько «времени былъ вѣренъ этому обѣщанію, не требуя мо«ихъ отвѣтовъ. Ваши письма теперь мнѣ нужнѣе стали. «Мое положеніе требуетъ помощи. Можно притти въ «уныніе. Что, если бы не сохранилъ мнѣ милосердый Богъ «возможности заниматься? И такъ пишите, пишите!» Если бы всѣ, бывшіе въ перепискѣ съ Поэтомъ нашимъ согласились соединить въ одну книгу тѣ письма его, которыя ознаменованы, какъ литературныя произведенія, за-

XXX.

Выздоровленіе не приходило. Но Жуковскій не переставалъ заниматься, какъ могъ, и еще все думалъ о переѣздѣ въ Россію. Его участіе въ событіяхъ, касавшихся отечества и друзей его, по видимому, возрастало по мѣрѣ его приближенія къ смерти. Даже съ любовію входилъ онъ въ разсмотрѣніе новыхъ явленій литературы нашей, если они казались ему достойными вниманія. Это безпримѣрное сохраненіе въ гармоніи душевныхъ силъ придаетъ послѣднимъ письмамъ его высокую цѣну. Но онъ въ скоромъ времени принужденъ былъ покинуть и карандашъ свой и свою машинку, которыми до сихъ поръ пользовался для переписки: она продолжалась не его рукою, а только съ его словъ, имъ диктованныхъ. Первое изъ этихъ писемъ касается Екатерины Андреевны, же-

нимательностію и совершенствами общими — это безъ сомнѣнія послужило бы столько же къ сохраненію чистой памяти Жуковскаго, сколько и къ прекрасному обогащенію Русской литературы, не говоря уже о пользѣ общей.

ны Карамзина, особы, бывшей для Жуковскаго, какъ и для всѣхъ, знавшихъ ее, существомъ высшаго достоинства. «Благодарю «васъ всѣмъ сердцемъ, говоритъ онъ въ письмѣ 24 октября (стар. ст.) 1851 года, за два «письма вашихъ. Я бы отвѣчалъ немедленно на первое, которое глубоко поразило «меня извѣстіемъ о нашей общей утратѣ; но «я былъ въ это время увлеченъ пошлою прозою переборки на другую квартиру. Не буду объ этомъ ничего говорить теперь: завтра буду писать къ самимъ Карамзинымъ; «а васъ только благодарю за то, что вы своимъ письмомъ мнѣ дали такъ живо присутствовать на этомъ пиршествѣ погребенія. «Нѣтъ ничего торжественнѣе и умилительнѣе этихъ проводовъ на тотъ свѣтъ души, «умилившей здѣшній свѣтъ своею чистою «жизнію. Какой новый ударъ для бѣднаго «Вяземскаго! Надо благодарить Бога, что это «случилось послѣ его отъѣзда. Въ Петербургѣ ударъ этотъ слишкомъ бы сильно «отозвался въ его сердцѣ. Онъ теперь въ

«Парижѣ. Я еще оттуда не имѣю прямаго о «немъ извѣстія, но слышу, что ему вообще «лучше. А вы держитесь постоянно вашего «благаго намѣренія писать ко мнѣ каждое «1-е и 15-е число мѣсяца. Увѣдомляйте ме- «ня о томъ, что у васъ и съ вами дѣлается. «Это будетъ отрадно мнѣ слѣпому. Мой «глазъ совсѣмъ не выздоравливаетъ. Вѣро- «ятно, что это пошло на цѣлую зиму».

Едва прошло двѣ недѣли, какъ Жуковскій въ новомъ письмѣ предается новымъ предположеніямъ касательно занятій своихъ и переѣзда въ отечество: такъ владѣла имъ сила духа. 7 ноября (стар. ст.) 1851, онъ писалъ: «За мѣсяцъ, или за полтора передъ «этимъ былъ у меня вашъ пріятель Коссо- «вичь. Онъ мнѣ очень понравился. Я сооб- «щилъ ему мое желаніе имѣть образованна- «го классически Русскаго, который бы могъ «со мною заняться составленіемъ домашняго «предварительнаго курса ученія по моей ме- «тодѣ, отчасти вамъ извѣстной. Коссовичь «назвалъ мнѣ Бартенева, кандидата Москов-

«скаго Университета. Не знаете ли вы и не «можете ль освѣдомиться о семъ Бартеневѣ? «Иль не знаете ль кого изъ воспитанниковъ «Педагогическаго Института способнаго, «классически образованнаго и достаточно «воспріимчиваго, чтобы постигнуть мою «мысль, которой исполненіе могло бы сдѣ-«латься полезнымъ не однимъ моимъ дѣтямъ, «но и отечеству въ семейственномъ воспита-«ніи? Отъ Княгини Вяземской я получилъ «письмо изъ Парижа. Вяземскій мраченъ, но «къ счастію дѣло не такъ дурно, какъ я во-«ображалъ. Вяземскому не сидится на мѣ-«стѣ. Онъ бы хотѣлъ покинуть Парижъ и «переѣхать ко мнѣ въ Баденъ. Но этому и я «противлюсь: Баденъ пустъ и скученъ, а я «полуслѣпой не буду ему полезенъ—и гробъ «его дочери, здѣсь погребенной, не поможетъ «мнѣ развеселить его. Я зову его въ Баденъ «на апрѣль мѣсяцъ *; самъ же слѣпой, или

* Странное обстоятельство. Онъ за полгода назначаетъ другу срокъ прибытія къ себѣ — а этотъ апрѣль былъ срокомъ его земной жизни: Жуковскій скончался 12 апрѣля (стар. ст.) 1852 года.

«зрячій, съ первою возможностью въ маѣ «отправлюсь въ Россію.»

Въ письмѣ Жуковскаго, присланномъ ровно черезъ двадцать дней послѣ предыдущаго, есть мысли, которыя должны быть сохранены для потомства, какъ завѣтъ мудреца. «Въ «продолженіе моей десятилѣтней заграничной жизни я узналъ по опыту, что можно «любить поэзію, не заботясь ни о какой из«вѣстности, ни даже о участіи тѣхъ, чье одо«бреніе дорого. Онѣ имѣютъ большую пре«лесть; но сладость поэтическаго созданія «сама себѣ награда. Благодарю васъ за до«ставленіе стиховъ Майкова. Я прочиталъ «ихъ съ величайшимъ удовольствіемъ. Май«ковъ имѣетъ истинный поэтическій талантъ. «Я не читалъ его другихъ произведеній. «Слышу, что онъ еще молодъ. Слѣдователь«но передъ нимъ можетъ лежать еще долгій «путь. Дай Богъ ему пріобрѣсть взглядъ на «жизнь съ высокой точки, то есть, быть тѣмъ «Поэтомъ, о которомъ я говорю въ моемъ

«письмѣ къ Гоголю*, и избѣжать того эпи-
«куреизма, который заразилъ поэтовъ и
«осквернилъ поэзію нашего времени. Глаза
«мои все еще въ томъ же положеніи. Объ
«Вяземскомъ не могу ничего сказать вамъ
«новаго».

Чѣмъ ближе наступало время, въ которое суждено было нашему Поэту вдругъ окончить все, такъ неизмѣнно и такъ сладко занимавшее его цѣлую жизнь, тѣмъ замѣтнѣе обращались мысли его къ судьбѣ Русской литературы, и тѣмъ чаще вспоминалъ онъ въ письмахъ о литераторахъ Русскихъ. Всегда оживлялась душа его непритворною радостію при появленіи новаго таланта въ отечествѣ: такъ онъ чуждъ былъ самой тѣни опасенія совмѣстничества, а тѣмъ менѣе чувства, похожаго на зависть. Въ новыхъ успѣхахъ Искуства онъ видѣлъ распространеніе общей пользы, благотворное вліяніе на нравы и ступени къ славѣ отече-

* Напечатано въ № IV Москвитянина 1848 года, въ Отдѣл. III.

ства. Никто искреннѣе его не любилъ Карамзина, Крылова, Батюшкова, Пушкина и Гоголя. Въ послѣдніе мѣсяцы жизни своей онъ такъ заботился о распространеніи вѣрныхъ, чистыхъ началъ въ литературѣ, какъ будто защищалъ только-что начатое имъ поприще, какъ будто жизнію своею и своими твореніями не успѣлъ еще утвердить незыблемой истины. Въ письмѣ 7 декабря (стар. ст.) 1851 года онъ между прочимъ пишетъ: «Не «знаете ли чего о Гоголѣ? Онъ для меня «пропалъ. Я бы давно къ нему писалъ, но «не знаю, куда къ нему писать. Говорятъ, «что онъ кончилъ вторую часть «Мертвыхъ «Душъ», и что это чудесно хорошо. Если «будетъ напечатано, пришлите немедленно. «Скажите отъ меня Майкову, что онъ съ «своимъ прекраснымъ талантомъ можетъ на-«чать разрядъ новыхъ Русскихъ поэтовъ, «служащихъ высшей правдѣ, а не матері-«альной чувственности. Пускай онъ возметъ «себѣ за образецъ Шекспира, Данте, а изъ «древнихъ Гомера и Софокла. Пускай напи-

«тается Исторіею и знаніемъ Природы, и
«болѣе всего знаніемъ Руси, той Руси, кото-
«рую намъ создала ея Исторія, Руси бога-
«той будущимъ, не той Руси, которую вы-
«думываютъ намъ поклонники безумныхъ
«доктринъ нашего времени, но Руси Само-
«державной, Руси Христіанской — и пускай,
«скопивъ это сокровище знаній, это сокро-
«вище матеріаловъ для поэзіи, пускай про-
«никнетъ свою душу святынею Христіан-
«ства, безъ которой наши знанія не имѣютъ
«цѣли, и всякая поэзія не иное что, какъ
«жалкое сибаритство—русалка, убійственно
«щекочущая душу. Таково мое *завѣщаніе* мо-
«лодому Поэту. Если онъ съ презрѣніемъ
«оттолкнетъ отъ себя тенденціи, оскверняю-
«щія поэзію и вообще литературу нашего
«времени, то онъ съ своимъ талантомъ со-
«вершитъ вполнѣ назначеніе поэта. Но до-
«вольно. Чтобы заплатить вамъ чѣмъ нибудь
«за ваши хлопоты, посылаю вамъ новые мои
«стихи, біографію Лебедя, котораго я зна-
«валъ во время оно въ Царскомъ Селѣ. Объ

«немъ я вспомнилъ, увидя въ Баденѣ Великую Княгиню Марію Николаевну, Которая «была для меня явленіемъ Руси на чужой «сторонѣ. Мнѣ хотѣлось просто написать «картину Лебедя въ стихахъ, дабы моя дочка ихъ выучила наизустъ; но вышелъ не «простой Лебедь. Посылаю его вамъ. Можетъ быть, въ его стихотворной біографіи «вы найдете ту же старческую хилость ея «автора, какою страдалъ описанный имъ Лебедь. Во всякомъ случаѣ прошу принять «благосклонно эту лепту вдовицы».

XXXI.

Слѣдующее письмо представляетъ двѣ чрезвычайно замѣчательныя черты. Одна изъ нихъ должна быть сохранена, какъ лучшее свидѣтельство самой безкорыстной любви Жуковскаго къ поэзіи, любви, которая очистила душу его отъ всякаго самолюбія и заставила его признавать пользу въ такой критикѣ, на которую могъ бы онъ по всѣмъ правамъ не обращать и вниманія — обстоя-

тельство, поучительное для молодаго поколѣнія литераторовъ. Эта черта одна можетъ объяснить многое въ блестящихъ успѣхахъ, въ которыхъ конечно нельзя отказать литературѣ нашей предшествовавшаго періода. Другая черта послужитъ дополненіемъ къ характеристикѣ Гоголя. Этотъ необыкновенный писатель и неразгаданный человѣкъ, изумившій современниковъ неистощимостію тончайшаго анализа въ произведеніяхъ своихъ, иногда до такой степени былъ на себя не похожъ, что трудно приложить къ одному и тому же лицу эти двѣ крайности. Здѣсь разумѣются многія изъ его писемъ, когда онъ не опредѣлялъ въ нихъ для себя исключительной темы. Тутъ онъ являлся какъ бы лишеннымъ не только своего таланта, но и самого обыкновеннаго умѣнья быть занимательнымъ. Надъ такимъ-то его письмомъ Жуковскій по всегдашней веселости въ младенческой душѣ своей здѣсь шутитъ такъ граціозно. Письмо Жуковскаго писано 23 января (стар. ст.) 1852. «Вы просите отъ меня увѣдомленій о по-

«ступкахъ моего глаза. Мнѣ нельзя имъ по-
«хвалиться: онъ все продолжаетъ парализи-
«ровать мою жизнь. Вотъ уже семь мѣсяцевъ,
«какъ я не могу ни читать, ни писать и ни-
«чѣмъ порядочно заниматься. У насъ не бы-
«ло холодной зимы, но за то постоянная
«скверная, сырая погода, которая дѣйству-
«етъ гораздо хуже холода на подагру и рев-
«матизмъ, обхватившіе бѣдный, давно ослѣп-
«шій глазъ мой. И поэзія отъ этого позачах-
«ла. Благодарю васъ за критику на моего
«Лебедя; я самъ не былъ доволенъ тѣми
«стихами, которые вы забраковали, и попра-
«вилъ ихъ—хорошо или дурно, не знаю. По-
«сылаю вамъ Лебедя *съ прибавкою* *. Отъ
«Вяземскаго получилъ еще письмо, грустное.

* Такъ выразился онъ о книжкѣ стихотвореній своихъ, напечатанныхъ имъ незадолго до кончины, подъ заглавіемъ: «Стихотворенія, посвященныя Павлу Васильевичу и Александрѣ Васильевнѣ Жуковскимъ». Это было изданіе во вкусѣ того, какъ нѣкогда печатались книжки «Для Немногихъ», и заключало на шестнадцати страничкахъ только шесть стихотвореній, которыхъ заключеніемъ служило: «Боже! Царя храни». Тутъ же напечатанъ и его «Царскосельскій Лебедь».

«Гоголь наконецъ по двухлѣтнемъ молчаніи «написалъ ко мнѣ—и я *изъ его письма узналъ «съ восхищеніемъ*, что онъ живетъ въ Москвѣ, «на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Талы-«зина. Я начинаю думать, что я всѣхъ мо-«ихъ друзей и пріятелей обидѣлъ, подаривъ «имъ по экземпляру моихъ сочиненій: по-«чти ни одинъ мнѣ не откликнулся.... Но «васъ прошу продолжать писать ко мнѣ».

Послѣднее письмо Жуковскаго въ этой перепискѣ помѣчено въ Баденѣ 5-мъ марта (стар. ст.) 1852 года. Оно все посвящено скорби его о кончинѣ Гоголя. Два писателя, лѣтами столь раздѣленные, и такъ дружно соединенные геніальностію душъ, почти въ одно время покинули землю. Долго Россіи ждать полной замѣны этихъ утратъ. «Какою «вѣстью (говоритъ Жуковскій) вы меня «оглушили! и какъ она для меня была не-«ожиданна! Весьма недавно я получилъ еще «письмо отъ Гоголя, и сбирался ему отвѣ-«чать, и хотѣлъ дать ему отчетъ въ моей «теперешней стихотворной работѣ, то есть,

«хотѣлъ поговорить съ нимъ подробно о мо-
«емъ «Жидѣ», котораго содержаніе ему бы-
«ло извѣстно, который пришелся бы ему осо-
«бенно по́-сердцу — и, занимаясь которымъ,
«я особенно думалъ о Гоголѣ.... И вотъ уже
«его нѣтъ! Я жалѣю о немъ несказанно соб-
«ственно для себя: я потерялъ въ немъ од-
«ного изъ самыхъ симпатическихъ участни-
«ковъ моей поэтической жизни, и чувствую
«свое сиротство въ этомъ отношеніи. Теперь
«мой литературный міръ состоитъ изъ че-
«тырехъ лицъ, изъ двухъ мужескаго пола
«и изъ двухъ женскаго: къ первой половинѣ
«принадлежите вы и Вяземскій, къ послѣд-
«ней двѣ старушки — Елагина и Зонтагъ.
«Какое пустое мѣсто оставилъ въ этомъ ма-
«ленькомъ мірѣ мой добрый Гоголь! Я жа-
«лѣю объ немъ еще для его начатыхъ и не-
«конченныхъ работъ: для нашей литерату-
«ры онъ потеря незамѣняемая. Но жалѣть
ли о немъ для него? Его болѣзненная жизнь
«была и нравственно мучима. Настоящее его
«призваніе было монашество. Я увѣренъ, что

«если бы онъ не началъ свои «Мертвыя Ду-
«ши», которыхъ окончаніе лежало на его со-
«вѣсти и все ему недавалось, то онъ давно
«бы былъ монахомъ, и былъ бы успокоенъ
«совершенно, вступивъ въ ту атмосферу, въ
«которой душа его дышала бы легко и сво-
«бодно. Его авторство, по особенному свой-
«ству его генія, въ которомъ глубокая ме-
«ланхолія соединялась съ рѣзкостію ироніи,
«было въ противорѣчіи съ его монашескимъ
«призваніемъ и ссорило его съ самимъ со-
«бою. По крайней мѣрѣ такъ это мнѣ ка-
«жется изъ тѣхъ обстоятельствъ, предше-
«ствовавшихъ его смерти, которыя вы мнѣ
«сообщаете. Гоголь, долгіе часы стоящій на
«колѣнахъ предъ образами, отказывающійся
«отъ пищи, и кротко говорящій тѣмъ, которые
«о немъ заботились: *оставьте меня; мнѣ хо-
«рошо* — какъ это трогательно! Нѣтъ, тутъ я
«не вижу суевѣрія: это набожность человѣка,
«который съ покорностію держится установ-
«леній Православной Церкви. Что возмути-
«ло его страждущую душу въ послѣднія ми-

«нуты? я не знаю. Но онъ молился, чтобы «успокоить себя. И конечно ему было въ «эти минуты *хорошо*, какъ онъ самъ говорилъ — и путь, которымъ онъ вышелъ «изъ жизни, былъ самый успокоительный и «утѣшительный для души его. *Оставьте меня; мнѣ хорошо!* Такъ; никому нельзя осуждать по себѣ того, что другому хорошо по «его свойству. И эта долгая молитва на колѣнахъ есть нѣчто вселяющее глубокое «благоговѣніе. Такъ бы онъ умеръ, если бы, «послушавшись своего естественнаго призванія, провелъ жизнь въ монашеской кельѣ. «Теперь конечно душа его нашла все, чего «искала. Перейдемъ теперь къ земному. Надобно намъ, его друзьямъ, позаботиться «объ изданіи его сочиненій, объ изданіи полномъ, красивомъ, по подпискѣ въ пользу «его семейства (у него, кажется, живы мать «и двѣ сестры). Если публиковать теперь «подписку, то она можетъ быть богатая. Позаботьтесь объ этомъ. Если бы я былъ въ «Россіи, то бы дѣло разомъ скипѣло».

XXXII.

Постоянно памятуя и исполняя все, соблюдаемое Православными Христіанами, Жуковскій еще въ февралѣ 1852 года пригласилъ изъ Стутгадта Священника нашего Іоанна Базарова, чтобы онъ прибылъ въ Баденъ-Баденъ на шестой недѣлѣ Великаго Поста для пріобщенія его съ дѣтьми Святыхъ Таинъ. Болѣзненное состояніе глаза не позволяло ему самому оставить мѣсто жительства его. Передъ наступленіемъ означеннаго срока онъ увѣдомилъ своего духовнаго отца, что нѣкоторыя обстоятельства вынуждаютъ его перемѣнить распоряженіе и отложить исполненіе Христіанскаго долга до Ѳоминой недѣли. Объ этой внезапной перемѣнѣ перваго распоряженія прекрасно выразился отецъ Іоаннъ: «Добрый старецъ не зналъ того, что «это второе распоряженіе было свыше отъ «премудрой воли Божіей, предназначавшей «ему вкусить эту послѣднюю радость земной «Вѣры Христіанина за два дня передъ пере- «ходомъ его въ вѣчную жизнь, гдѣ онъ дол-

«женъ былъ *истѣе причаститися въ невечер-*
«немъ дни Царствія Христова».

Развитіе и ходъ болѣзни Жуковскаго, по расказу очевидца, слѣдовали такимъ образомъ: 1 апрѣля (стар. ст.) 1852 года, во вторникъ на Святой Недѣлѣ вечеромъ, онъ занемогъ и легъ въ постель ранѣе обыкновеннаго, а именно въ 9 часовъ. Въ среду онъ только къ вечеру оставилъ постель. Какъ обыкновенно, всѣ его домашніе собралися въ его кабинетъ, и провели вмѣстѣ нѣсколько часовъ. Жуковскій принималъ живое участіе въ разговорахъ, и самъ многое расказывалъ про старинное свое житье-бытье. Въ четвергъ тоже. Въ пятницу болѣзнь усилилась и обнаружилась яснѣе. Доктора́ назвали ее подагрическою лихорадкою (ein Gichtfieber). Подагра, отъ которой у Жуковскаго въ послѣднее время такъ жестоко страдали глаза, бросилась во внутрь. Въ пятницу и субботу онъ не покидалъ постели, и былъ чрезвычайно безпокоенъ. Казалось, онъ страдалъ болѣе нравственно, нежели тѣлесно.

Въ воскресенье больной вышелъ на полчаса — это было въ послѣдній разъ! Лихорадка усилилась; ночи были мучительны; сонъ совершенно пропалъ. Силы явно исчезали, тѣмъ болѣе, что больной почти безъ умолку разговаривалъ съ тѣми, которые окружали его постель: предметомъ же его разговоровъ были жена и дѣти.

Отецъ духовный прибылъ въ понедѣльникъ на Ѳоминой недѣлѣ, 7 апрѣля (стар. ст.), и нашелъ Жуковскаго въ постели больнымъ. Его предувѣдомили, что больной еще желаетъ отложить исполненіе Христіанскаго долга, чтобы совершить его съ дѣтьми въ праздникъ Апостоловъ Петра и Павла, въ день именинъ сына своего. Въ 11-мъ часу утра, во вторникъ, отецъ Іоаннъ вошелъ въ спальню Жуковскаго, который, жалуясь на разстройство мыслей, объявилъ о необходимости отсрочки Св. Причастія. Но когда духовникъ изъяснилъ ему различіе въ обстоятельствахъ человѣка здороваго, приходящаго къ Іисусу Христу для принятія Св. При-

чащенія, и человѣка больнаго, къ которому Господь приходитъ Самъ и требуетъ только отворить Ему двери сердца; тогда, въ слезахъ, произнесъ Жуковскій: «Такъ приведите мнѣ Его, этого Святаго Гостя». На слѣдующій день, въ среду, послѣ исповѣди и причащенія съ дѣтьми, больной видимо сдѣлался покойнѣе и, подозвавъ ближе къ себѣ дочь и сына, сквозь слезы сказалъ имъ съ умиленіемъ: «Дѣти мои, дѣти! Вотъ Богъ «былъ съ нами! Онъ Самъ пришелъ къ намъ. «Онъ въ насъ теперь. Радуйтесь, мои милые!» И въ четвергъ было ему легче прежняго. Въ этотъ день три раза, передъ отъѣздомъ отца духовнаго, онъ разговаривалъ съ нимъ. Каждое слово его выражало глубокое сознаніе того, что съ нимъ происходитъ. «Вчера «и сегодня (сказалъ онъ при первомъ прощаніи) мнѣ легко на душѣ. Это блаженство— «принять въ себя Бога, сдѣлаться членомъ «Богосемейства.... Мысль радостная, бла«женная. Но не станемъ ею восхищаться. «Это не игрушка! Она должна оставаться,

«какъ сокровище, въ насъ. Вы на пути (про-
«говорилъ больной при второмъ прощаніи):
«какое счастіе итти, куда захочешь, ѣхать,
«куда надо! Не умѣешь цѣнить этого счастія,
«когда оно есть; понимаешь его только тогда,
«когда нѣтъ его». Въ третій разъ при прощаніи
онъ пожалъ руку и сказалъ: «Прощайте....
«Богъ знаетъ, увидимся ли еще. Ахъ, какъ
«часто и я отходилъ такъ отъ одра друзей
«моихъ, и уже больше ихъ не видалъ...» Въ
пятницу утромъ, чувствуя, что силы покида-
ютъ его, онъ съ нѣжностію, но и съ боль-
шимъ усиліемъ благословилъ жену и дѣтей
своихъ. Вечеромъ, смотря на свою дочь, онъ
еще могъ произнести: «Ковчегъ готовъ — и
«вотъ летятъ мои два голубя: то Вѣра и Тер-
«пѣніе». Въ ночи на субботу, въ часъ и трид-
цать семь минутъ, неровное и тяжелое ды-
ханіе больнаго внезапно прекратилось: чи-
стая душа его отлетѣла въ одну изъ тѣхъ
обителей, которыхъ въ дому Отца нашего
на небесахъ уготовано много.

Погребеніе усопшаго происходило въ по-

недѣльникъ 14 апрѣля въ шесть часовъ по полудни. Кромѣ Русскаго Священника за гробомъ шелъ Римскокатолическій Деканъ города Бадена, желая всенародно выразить то чувство уваженія, которое вселилъ въ сердца чужеземцевъ нашъ безсмертный Поэтъ добродѣтельною своею жизнію. Тѣло его поставлено было въ склепѣ на загородномъ Баденскомъ кладбищѣ. По желанію вдовы Жуковскаго, которой болѣе всѣхъ извѣстно, какъ пламенно любилъ свое отечество Пѣвецъ XII года, его тѣло перевезено было въ Петербургъ. Здѣсь, въ Александро-Невской Лаврѣ, въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ, Государя Цесаревича Наслѣдника и Государыни Великой Княгини Маріи Николаевны, при многочисленномъ стеченіи почитателей и друзей Поэта, 29 іюля отпѣта была надъ нимъ панихида. Слезы Августѣйшихъ Особъ, оплакивавшихъ утрату Наставника Ихъ и друга, смѣшались со слезами поклонниковъ незабвеннаго Поэта на его гробѣ, который,

наравнѣ съ друзьями его, несъ и Царственный Первенецъ изъ Церкви до самой могилы, гдѣ Жуковскій покоится нынѣ подлѣ Карамзина.

6 ноября, 1852 года.